

ГРЕХИ И МИФЫ ПАТРИАРШИХ ПРУДОВ

по следам
громких дел

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Татьяна Юрьевна Степанова
Грехи и мифы
Патриарших прудов
Серия «Следствие ведет профессионал»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24051817

Грехи и мифы Патриарших прудов : [роман] / Татьяна Степанова:

Издательство «Э»,; Москва; 2017

ISBN 978-5-699-97443-6

Аннотация

За свою многолетнюю службу в пресс-центре ГУВД Екатерина Петровская привыкла ко многому. Но ее, как и шефа криминального отдела полиции полковника Гущина, потрясло дело, которое они расследовали на этот раз. В подмосковном лесу обнаружен обезображенный труп мужчины – с отрубленной головой и кистями рук, со следами пыток. Это преступление потянуло за собой цепочку других загадочных убийств, и все они вместе ведут к знаменитым еще со времен Булгакова Патриаршим прудам. Там, в одном из фешенебельных домов, обитает роскошная красавица Регина Кутайсова и ее дочь Пелопея, потерявшая три года назад после аварии память и красоту. Кате и ее новому напарнику Клавдию Мамонтову

предстоит узнать и понять, что же такое жуткое произошло три года назад, раз месть оказалась настолько страшна?..

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	34
Глава 5	49
Глава 6	58
Глава 7	78
Глава 8	85
Глава 9	93
Глава 10	101
Глава 11	116
Глава 12	131
Конец ознакомительного фрагмента.	133

**Татьяна Юрьевна
Степанова
Грехи и мифы
Патриарших прудов**

© Степанова Т. Ю., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Глава 1

Пять органов чувств – минус все

Доктор сказал, что помочь стимулировать память помогут пять органов чувств.

Я загибаю пальцы: зрение, слух, обоняние, осязание, вкус. Доктор особо выделил обоняние и слух. Начал задавать настойчивые вопросы. Что я слышала в тот момент? Какие звуки витали вокруг меня? Он говорил – не могло быть так, чтобы не существовало никаких звуков, так не бывает. Окружающая нас действительность не терпит тишины. Абсолютной тишины вообще никогда не бывает. Что вы слышали? Шум транспорта? Голоса? Может, кто-то кого-то звал? Пусть не близко, не рядом, а вдалеке? Шум ветра? Щебет птиц? Шорохи? Шуршание? Сирену полицейских машин и «Скорой»? Шум воды, льющейся из крана? Скрежет металла? Скрип половиц? Хлопанье дверей? Стук?

Я сказала, что не слышала ничего. И не слышу до сих пор. То есть слух мой не пострадал, и доктор это отлично знает. Я слышу хорошо, когда он спрашивает меня. И слышу все остальное. Но в памяти моей *я не слышу ничего*. Абсолютная тишина есть, она существует. Доктор не прав. Абсолютная тишина – как вата, как войлок окутывает меня, едва лишь я пытаюсь вспомнить.

Обоняние... И снова доктор очень настойчив. Он снова призывает меня сосредоточиться и вспомнить – чем пахло?

Ничем, милый доктор.

Очень интеллигентный, весьма воспитанный, с хорошими манерами, с отлично поставленным голосом, излучающий сочувствие и участие – добрый доктор-мозгоправ. Психотерапевт, приглашенный матерью по совету знакомых из «ее круга общения».

Он снова задает свои настойчивые вопросы, перечисляя – чем пахло тогда? Приятным, неприятным?

Запах травы? Хвой? Цветов? Влажной листвы? Это же было лето – теплое дождливое лето. Может быть, пахло бензином? Гарью? Асфальтом? Деревом? Железом?

Духами? Одеколоном? Потом? Табаком?

Он не продолжает. Он ждет, склонив голову набок, что я отвечу. Я говорю за него, заканчивая список плохих запахов. Спермой? Мочой? Дерьмом? Блевотиной?

Ничем, ничем не пахло.

Нос мой словно заложило.

Я и до сих пор чувствую запахи, лишь поднося пахучий предмет совсем близко к ноздрям.

А тогда вокруг меня пахло ничем.

Доктор не упоминает запаха крови. Не упоминаю его и я. Хотя, говорят, крови было много.

Но я не помню.

Никаких запахов я не ощущала. Я не помню запахов. И

когда чувствую их сейчас – никаких ассоциаций. Никаких воспоминаний.

Память моя пуста.

Зрение как стимул вообще отпадает. Мне показывали фотографии той дороги в лесу. Приходили в больницу люди из полиции. И показывали мне фотографии, снятые уже *после того...*

Ну, после всего...

Говорили – взгляните, может, вспомните что-то? Вы ведь там шли.

Я шла?

Там?!

Осязание... С этим сложнее. Потому что я...

Нет, я не помню, что ощущали рецепторы моей кожи – холод, жар, влагу. Этого я не помню совсем.

Но когда осязание сопряжено со вкусом...

Вкус...

Я высовываю кончик языка, совсем как змея, пробуя окружающий мир.

Вкус...

Кончик языка свербит и чешется. Но я не помню ничего.

Точнее, я не могу описать это словами. У меня не хватает слов.

Доктор, когда я это ему сказала, снова предложил прибегнуть к помощи ассоциаций и метафор. На что это было похоже?

Вкус чего?

Что всплывает в памяти, когда вы – вот как сейчас, полуоткрыв рот, – прикусываете кончик языка зубами?

Что приходит на ум? Какой вкус? Вкус чего?

Мифы, доктор...

Я вспоминаю мифы. То, что я учила когда-то.

Какие мифы? Да разные. Вкус... вкус... вкус...

Яблоки Гесперид... Золотые, большие. У них медово-приторный вкус, они чем-то похожи на груши. Гере подарили их на свадьбу с Зевсом, из их семян вырос сад, и его охранял дракон. Гераклу, прежде чем он, совершив свой подвиг, нарвал этих яблок с ветвей, пришлось по щиколотку ступать в драконьем говне, служившем для яблонь Гесперид отличным компостом.

Яблоко Париса – оно кислое на вкус. Зеленое, с острой кислинкой, крупное. Похожее на те, что продают во всех супермаркетах.

Вкус кислоты... нет... вкус меда...

Гиметский мед – тот, знаменитый, с горы Гимет. Темный, засахаренный, полный кусочков отломанных сот и застрявших в них дохлых пчел.

Нет, нет, конечно, нет...

Амброзия – пища богов. Вкус ее... жалок.

Это был лишь жидкий ячменный отвар, сдобренный медом.

Гранат... зерна... Еда Персефоны. Острый кисло-сладкий

вкус, терпкость на кончике языка.

Язык свербит...

Но нет, не то. Ломака и притворщица Персефона в чем-то и точно как я. Маменькина дочка. И пережить ей пришлось немало. Спуститься туда... в царство мертвых, как и мне. И вернуться оттуда назад.

Но и это сравнение ложно. Это не вкус зерен граната.

Вкус молока козы Амалфеи с Крита...

Козье молоко. Я вообще не знаю его вкуса. Я никогда не пью молока – ни коровьего, ни козьего.

Вкус того, что ели Лотофаги... Говорят, они копались в иле и ели корни лотоса. Ну совсем как вьетнамцы!

Но это не вкус азиатской кухни.

Снова мимо.

То, что лопал Одиссей на пиру у Цирцеи, – сыр, жареная ячменная мука, вино...

Нет. Не то.

Вкус соуса Гарум, что так любили в Риме. Он же вонял! Его даже было запрещено готовить в городах. Людей тошнило от вони гниющих рыбьих внутренностей, что ферментировались в каменных ваннах на палящем солнце.

Но в Риме это ели.

Устричный соус?

Соевый соус?

Нет, не тот это вкус.

Это не сладкое и не соленое.

Не кислое.

Терпкое, да...

Так что кончик моего высунутого языка горит как в огне.

Я прикусываю язык зубами до боли.

В глазах доктора мелькает тревога. Он, похоже, что-то увидел на моем лице. Он мягко и очень настойчиво окликает меня. Я не отвечаю. Я давлю на кончик своего языка сильнее и сильнее.

Доктор снова зовет меня по имени.

И еще раз.

И только тогда я реагирую. Я разжимаю зубы. Они так крепко стиснуты, что это дается мне с большим усилием.

Кончик языка по-прежнему в огне. Там острая боль.

В памяти моей по-прежнему ничего. Никаких воспоминаний. Там нет ни темноты, ни черноты, ни сумерек, ни тумана, ни мглы.

Там сплошная пустота.

По лицу доктора я вижу, что он по-прежнему встревожен. Его удивила и даже напугала моя реакция. Он старается не подавать вида – он профессионал. Но я это чувствую.

Он испытал безотчетный приступ паники и страха на нашем сеансе.

Что он подумал?

Что я решила откусить свой собственный язык?

И выплюнуть кровавый кусок моей плоти на этот девственно-чистый пол, покрытый ламинатом, в его кабине-

те, расположенном на девятом этаже бизнес-центра «Лотте-Плаза»?

Глава 2

Топор

Что видели ангелы?

Что-то или кого-то они точно видели. Но лица их остались невозмутимыми.

Ангелы из белого гипса на своих невысоких постаментах. С крыльями за спиной, похожими на странную помесь крыльев птицы и бабочки. Ангелы-статуи, вылепленные из гипса без особого искусства и старания. Созданные по какому-то общему лекалу – с гладко причесанными кудрявыми головами, миндалевидными глазами без зрачков, без всякого выражения. Облаченные в белые гипсовые хитоны, бесполое, равнодушные скульптуры, годные лишь для того, чтобы их купили со скидкой по сходной цене и поставили где-то на кладбище над свежей могилой.

А что видели цапли и журавли?

Тоже вылепленные из гипса, раскрашенные водостойкой краской в серый, черный и белый цвет? Птицы-статуи, стоящие в траве в одиночку и попарно. Те, что в одиночку, обратили свои головы к земле, замерли в охотничьей стойке, поджав одну ногу и нацелив клюв в траву. Те, что попарно, распластали гипсовые крылья, изогнули гипсовые шеи, скрепленные проволокой, в безмолвном брачном танце.

Кого или что видел нелепый гипсовый орел, взлетевший на обломок серого камня? Орел неизвестной породы – может, беркут, а может, просто мутант, созданный воображением, – с кривым, хищно загнутым клювом и когтями, впившимися в грязный обломок, который уж никак не тянул на скалу или утес?

Что видела огромная гипсовая жаба, важно распластавшаяся посреди маленького садового фонтана фэншуй? Гипсовые жабы не квакают, не стреляют липким языком, когда мимо пролетает комар или оса. Гипсовые жабы фэншуй – нелепые, с распыленным ртом, усеянные гипсовыми бородавками, выкрашенные в грязно-зеленый, болотный цвет, – созданы для того, чтобы приносить своим владельцам удачу и богатство.

Если жаба кого-то и видела, она не скажет, она промолчит. Так же, как гипсовые кладбищенские ангелы, и садовые журавли-цапли, и еще целый выводок фантастических существ, вылепленных из того же самого гипса: слоников-божков Ганеши, больших китайских черепах – символов долголетия и достатка, садовых гномов, кошек с выгнутыми спинами, гипсовых мопсов.

Может, вся эта немая скульптурная нежить вообще ничего не успела заметить, потому что...

Потому что нападение произошло молниеносно.

Женщина успела лишь открыть входную дверь, как в лицо ей полетела тряпка, мокрая, пропитанная чем-то едким,

резко пахучим – ацетоном или нашатырем.

Один вдох и...

Мокрая тряпка облепила голову и лицо, лишая возможности дышать и видеть. Женщина вцепилась в нее рукой, пытаясь содрать с лица, пытаясь крикнуть, но вместо крика из обожженного химическими парами горла вырвался лишь хрип.

А в следующую секунду в лицо женщины – в ее скулу – вонзилось тяжелое лезвие топора.

Этот самый первый удар мог стать смертельным, но рука, сжимавшая ткань, приняла на себя всю его страшную силу.

Безымянный и указательный пальцы – отрубленные, словно сухие хворостинки, – отлетели к стене.

Женщина глухо и пронзительно закричала и упала навзничь. Ничего не видя из-за тряпки, подобно савану, укутавшему ее голову, кашляя кровью, заливающей ее рот и лицо, она перевернулась на живот, пытаясь встать на четвереньки.

И тут лезвие топора вонзилось ей в спину в области крестца.

Кровь хлынула потоком на дощатый пол. Женщина все пыталась приподняться. В какой-то миг ей даже это удалось, но она тут же рухнула снова, увлекая за собой то, за что пыталась ухватиться здоровой рукой. Тяжелые предметы упали на пол, что-то разбилось, загрохотало. Она не видела ничего – ослепленная, сраженная болью, истекающая кровью, она хрипела, извиваясь на полу.

И вот она почувствовала, как кто-то наступил ей на спину ногой, сильно прижимая ее к полу, не давая возможности ползти.

Лезвие топора обрушилось снова. Она дернулась в агонии, и тот, кто убивал ее, промахнулся – метил ударить в область шеи, но топор отклонился от ее судорожного толчка, и лезвие вонзилось в левую лопатку, перерубив кость.

Она уже не могла кричать. Горло заливало горячим.

Она знала: это ее кровь.

Она знала и то, что через секунду умрет.

Топор обрушился ей на затылок, и черепная кость раскололась.

Потом были слышны звуки новых и новых ударов – словно на деревянной колоде топором рубили мясную тушу.

Женщина давно уже была мертва, но ее добивали и добивали, рубили, рассекали, словно страшась того, что искорка жизни все еще могла сохраниться в бездыханном, истерзанном теле.

Глава 3

Неглубокая могила

Катя – Екатерина Петровская, криминальный обозреватель Пресс-службы ГУВД Московской области – не могла понять, отчего полковник Гушин так встревожен.

Фразы, которые она от него слышала, казались ей непоследовательными и лишенными всякой логики. Сначала он сказал: *Это дело мы никогда не раскроем. Это глухарь.*

А потом, когда они уже воочию увидели ту неглубокую могилу в перелеске у Калужского шоссе, он изрек: *Это дело плохое, это дело совсем дрянь.*

Катя не помнила, чтобы полковник Федор Матвеевич Гушин – шеф криминального отдела – когда-либо прежде делал убийства на *плохие и хорошие*. В этом не было логики.

Логике не наблюдалось и в других его словах в эту субботу.

Катя встала в это утро очень рано. Давно хотела в свой законный выходной со вкусом, толком, расстановкой побегать в Нескучном саду. До Нескучного сада от Фрунзенской набережной, где находится ее дом, – рукой подать, только мост перейти. Перебежать.

Катя оделась по-спортивному, обула новые кроссовки, взяла маленький рюкзачок – бутылка минералки, зеленое

яблоко. Словом, все, о чем пишут глянцевого журналы, когда рекомендуют своим продвинутым читательницам утреннюю пробежку на свежем воздухе.

День выдался ясным и прохладным – середина октября напоминала, что не за горами заморозки. Нескучный сад в это время года очень красив. Сюда тянутся со всей Москвы – побегать, покататься на велосипеде, просто прогуляться, обозревая и сам Нескучный, и Парк Горького в его новом облике.

По мосту Катя поскакала как кузнечик – прытко и совсем не заботясь о дыхании для долгого марафона. И как следствие – уже в начале аллеи Нескучного задохнулась. Постояла, наклонившись и уперев руки в колени. Да, прыть надо убавить, а то метров через пятьсот не то что не побежишь, а поползешь словно улитка.

Она отдышалась и легонько затрусила вперед, но не успела даже углубиться в парк, как зазвонил ее мобильный – настойчиво и громко.

Катя тогда подумала – не буду отвечать. Кто бы это ни был, не отвечу. У меня выходной, я в парке, настроилась на пробежку, на горячий душ после, хороший завтрак и лень без конца и без края.

Она достала телефон и глянула, что за номер, – полковник Гуцин. Его личный мобильный.

Не буду отвечать...

Телефон все звонил, звал.

Не стану...

Не буду есть, не стану слушать... Подумала – и стала кушать.

Она ответила.

Гущин сказал, что на каком-то там километре Калужского шоссе – она не запомнила, на каком, – в перелеске обнаружен труп. Он, мол, туда собирается выехать. А затем он добавил ту самую фразу: «Это дело мы никогда не раскроем».

Катя хотела сказать – ну и ладно, бог с ним. Мало ли трупов и нераскрытых дел!

Но Гущин ее удивил: «Вот когда я тебя с собой беру, мы все раскрываем. Такие дела распутываем!»

Катя подумала: что это – комплимент ее уму, сообразительности или просто констатация факта, что она для полковника Гущина что-то вроде счастливого талисмана, кроличьей лапки?

– Я хочу, чтобы ты тоже поехала, – проговорил Гущин. – Это дело глухарь. Там писать уж точно особо не о чем. Тебе как репортеру это будет малоинтересно. Но я хочу, чтобы ты поехала со мной.

Ну где логика, скажите? Где во всем этом логика?

Катя подумала, сколько раз прежде она сама чуть ли не с боем добивалась, чтобы полковник Гущин брал ее – криминального обозревателя Пресс-центра – на места убийств. Сколько сил она положила на то, чтобы между ними возникло доверие.

Случилось почти невозможное, такое редко бывает в реальной полицейской жизни между представителями разных служб: они не только стали доверять друг другу, они подружились! И правда, были такие дела, такие случаи.

И вот шеф криминального отдела – вещь небывалая, неслыханная в полиции – стал порой сам (!) звонить ей – криминальному репортеру Пресс-центра – и приглашать на места преступлений.

Катя надувалась от гордости, считая, что помогает ему в расследовании. А то! Но вот оказывается, что дело-то вовсе не в этом, не в ее способностях. А в том, что шеф криминального отдела, в общем-то, суеверен, как и большинство людей, часто имеющих дело с опасностью и смертью.

Он внушил себе, будто Катя – нечто вроде счастливого талисмана.

Катя сказала, что она бежит в Нескучном и ей потребуется час на то, чтобы вернуться домой и собраться.

А что еще она могла ответить? Послать шефа криминального отдела куда подальше? Так он в следующий раз, когда стрясется суперсенсационное убийство, погонит ее палками прочь!

Ну, съездит она, глянет на тот труп, на этот глухарь.

Гущин сказал, что через час подъедет и заберет ее из дома.

В эту субботу полковник вел служебный джип сам – его шофер приболел. И Катя видела, что давненько Гущин не

брал в руки шашек... то бишь не садился за руль сам, привыкнув к переднему пассажирскому сиденью.

Катя переоделась в сухое – спортивный костюм даже после столь недолгих физических упражнений промок от пота. Она успела принять горячий душ. Но совсем не стала пользоваться косметикой – никакой. Кто там ее станет разглядывать, в этом лесу у Калужского шоссе? Эксперты? Они сами небось с пятничного похмелья. На полковника Гущина Катя вообще внимания не обращала.

Нет... Вот тут она сама с собой лукавила. После Истринского дела, когда полковник Гущин своей решительностью и быстротой действий фактически спас от смерти маленького ребенка, Катя смотрела на толстяка-полковника словно другими глазами. Будто какая-то завеса приоткрылась в их отношениях.

Гущин надел старую куртку, под этой старой курткой у него был старый костюм – чтобы не трепать новый по грязи в лесу. Он был чисто выбрит, и его глянцевая лысина блестела как зеркало.

Пока они ехали ни шатко ни валко по Москве, по Профсоюзной улице, он помалкивал. Но где-то в районе метро «Калужская» вдруг многозначительно изрек:

– Перхушкин тут на днях спрашивал меня о тебе. Интересовался.

Катя не сразу поняла, о ком речь. А, новый начальник штаба – маленький прыщавый человечек с усами, переведен-

ный в областной Главк откуда-то с глубокой периферии. В последние годы это просто стало какой-то напастью – нашествие «понаехавших» из самых глухих углов. Видно, где-то наверху укрепились во мнении, что периферийники на руководящих постах в полиции, не связанные со столичными элитами и делами, не станут брать взятки или будут их брать с меньшей алчностью. «Понаехавшие» в большинстве своем были люди малообразованные и серые как мыши, но с невероятными чисто провинциальными амбициями. Все они как огня боялись дальнейшей ротации кадров и возвращения со столичных хлебов назад в свою тьмутаракань и потому всеми правдами и неправдами пытались зацепиться за московскую жизнь. Кто как – кто учебой в академии МВД, а кто женитьбой на москвичке.

– Проявлял настойчивый интерес, – продолжил полковник Гуцин. – Спрашивал, между прочим, как ты... с кем... замужем ли.

– Федор Матвеевич, я замужем.

– Я так и сказал Перхушкину. Упомянуть не стал, что вы с мужем живете раздельно.

Катя покосилась на Гуцина. Кто бы говорил! Не далее как несколько лет назад Главк потрясли сенсационные подробности личной жизни самого шефа криминального отдела. Выяснилось, что примерный муж и семьянин много лет имел и вторую семью, и побочного сына. Сынок был верзила и богатырь – Катя имела честь с ним познакомиться в ходе

расследования одного из дел.

Супруга Гущина метала громы и молнии, грозила разводом. Они официально не развелись, однако тоже находились в стадии многолетнего раздельного проживания.

– Я сказал Перхушкину, чтобы он о тебе и думать забыл.

– Да, это вы ему хорошо сказали, Федор Матвеевич, – Катя улыбнулась толстяку.

Неизвестно, что подумал при этом прыщавый выскочка с периферии. Наверное, решил, что Гущин сам положил на нее глаз...

– В одиночестве нет никакой пользы, – назидательно заметил Гущин. – Но каждый сам выбирает свой путь. Вы с мужем – люди молодые, вполне еще можете...

– Вряд ли мы будем когда-то опять вместе, – сказала Катя. – Что-то не верится.

– В общем, это ваше дело. Это не мое дело, – Гущин снова глянул на Катю. – А Перхушкин уж точно здесь третий... может, даже четвертый лишний.

Катя покивала – скучно вам, Федор Матвеевич, неохота ехать в свой выходной по вызову на место обнаружения какого-то там трупа, вот вы и чешете языком, проявляете заботу и любопытство, и снова заботу о своем «маленьком друге» – бедном одиноком криминальном репортере, что когда-то помог вам распутать пару-тройку сложных дел.

Беседуя таким образом, они оказались там...

Там, где все это и началось.

Там, где не было уже места ни скуке, ни праздному любопытству.

Там, где царил лишь страх.

Хотя поначалу весь этот таинственный и жуткий кошмар и правда выглядел как полный «глухарь».

Выйдя из машины, Катя в первую минуту увидела лишь хаос этого места. Калужское шоссе, некогда такое узкое, подверглось масштабной реконструкции. Его расширяли, строили эстакады, закладывали новые полосы движения, нещадно и варварски уничтожая весь прилегающий к дороге ландшафт. Горы грязи, рвы жидкой глины – ничего, кроме грязи и глины, в которой увязала строительная техника. Все это было там, возле Калужского шоссе, и все это волной накатывало на то, что ютилось рядом.

Гущину пришлось объехать огромный массив Хованского кладбища, примыкавший к нему строительный рынок, больше похожий на трущобы, вырулить на узкое шоссе, проложенное к поселку, который состоял из домов-кондоминиумов, отгороженных от хаоса стройки бетонным забором. Окна домов смотрели на все это утонувшее в грязи безобразии хмуро и сонно.

Им пришлось обогнуть по кругу еще один поселок, расположенный чуть дальше от шоссе, – здесь, среди старых обветшалых дачных домов, высились новые особняки из красного кирпича. Проселочная дорога нырнула в перелесок, что располагался между поселком и шоссе.

Катя увидела полицейские машины. Гущин остановился – дальше пешком, недалеко.

Стоя на опушке этого клочка подмосковного леса, Катя огляделась по сторонам. От поселка их отделяло не более полукилометра. Еще ближе располагалось Калужское шоссе с перепаханными строительной техникой обочинами. В грязи навалены бетонные сваи, трубы, тут же горы мокрого песка. А вдали среди всего этого грязного строительного хаоса маячат два здания прекрасной архитектуры – словно два корабля, все сплошь из стекла – такие, что и в центре Москвы особо не встретишь, потому что подобная продвинутая «стеклянная архитектура» – редкость.

Здания под офис-центры суперсовременной конструкции построили в «жирные» годы, когда цены на столичную недвижимость нещадно росли и фирмы и компании перебирались за МКАД.

И вот эти чудесные стеклянные корабли сейчас выглядели так, словно сели на мель среди океана глины, израненной земли, ям и колдобин. Немытые витражи окон и стен покрывала толстой коркой серая пыль и коричневая взвесь глины. Все подъездные пути были разрушены и разбиты. Суперсовременные стекляшки выглядели мертвыми и заброшенными.

Позже Катя все вспоминала это место, полное почти физической боли изнасилованной стройкой земли. Это были идеальные декорации для Смерти. Для той *неглубокой* моги-

лы, в которой они обнаружили первого мертвеца.

Труп в лесу, как сообщил подошедший к полковнику Гущину оперативник, обнаружила собака. Ее хозяин отправился прогуляться со своим четвероногим питомцем из поселка в местный лес. Спустил пса с поводка, пес нырнул в заросли и начал хрипло лаять. Когда хозяин подошел, то увидел, что тот остервенело роет палые листья и землю и рычит, словно учуял под землей что-то опасное. Затем пес вцепился зубами в какую-то синюю ткань или пластик и начал тянуть, продолжая рыть землю. Когда его хозяин подошел и начал оттащить пса за ошейник, то увидел в разрытой дыре *нечто*.

Ногу в ботинке.

– Он сразу позвонил в полицию. Мы приехали, – сообщил Гущину оперативник. – Самого очевидца попросили задержаться. Он возле машин, собака там же. Не псина, а монстр.

Гущин глянул на очевидца издалека, подходить не стал. Катя подозревала – потому что рядом маячила эта псина. Не какой-то там домашний любимец – ретривер или мопс, даже не овчарка – огромный черный мастино-наполитано. Зверюга устрашающего вида с морщинистой мордой, заляпанной слюной и приставшей к ней хвоей и грязью, и налитыми кровью глазами навывкате.

Неудивительно, что с таким чудовищем его хозяин уходил гулять в лес, подальше от поселка. Пес скалил зубы и глухо рычал на полицейских.

Полковник Гущин попросил, чтобы с очевидца сняли по-

казания по форме и отпустили восвояси – вид пса его нервировал.

Оперативник повел их в заросли.

То, что им предстояло увидеть, находилось в небольшой промоине рядом с пнем поваленной ели.

Катя снова оглянулась назад – отсюда Калужское шоссе не видно. Кругом кусты. Здесь очень компактное, замкнутое, закрытое пространство.

– Неглубокая могила, – сказал оперативник. – Воспользовались промоиной, немного подкопали и забросали сверху тело землей и листьями. Собака легко учуяла запах.

Сейчас, когда лесная могила была вскрыта полицией, Катя тоже ощутила этот запах. Его ни с чем не спутаешь. Запах разложения.

Что-то синее... Типа клеенки или пластиковой шторы для душа – там, в этой рытвине.

Эксперт-криминалист кивнул им и осторожно откинул измазанный глиной саван.

И сразу что-то там побежало, поползло, извиваясь, корчась, пытаясь скрыться от света. Катя быстро отвернулась. Насекомые. Падальщики. Жуки, черви, личинки-трупоеды. Пусть они снова зароятся в землю. Потому что наблюдать за их пиршеством нет сил.

Через несколько секунд она все же заставила себя посмотреть. Но широкая спина полковника Гущина заслонила от нее то, что было внизу. Потом он чуть переместился влево,

и Кате словно по фрагментам стало являться место захоронения.

Осыпавшиеся стенки ямы. Желтая, измазанная чем-то бурым кость – позвоночный столб, торчащий из туловища. Дикое, нелепое зрелище – часть позвоночника, торчащая прямо из воротника грязной куртки серого цвета.

Катя закрыла глаза. Глубоко вздохнула.

Зачем Гуцин привез меня сюда?

Это был труп мужчины без головы и кистей рук. Из воротника куртки торчал острый фрагмент позвоночника. Из задравшихся, пропитанных бурым – наверняка кровью – рукавов торчали разбитые кости.

Серая куртка не застегнута. Под ней – залитый кровью серый шерстяной свитер. Грязные джинсы спущены вместе с трусами до колен, и там, в области половых органов...

Катя снова отвернулась.

– Ни головы, ни рук. Мелкие осколки, фрагменты костей. Не пилой отчленили, – полковник Гуцин склонился над ямой. – Убийца сделал все, чтобы тело не опознали.

Катя отошла чуть подальше – запах гниения выворачивал наизнанку. Да, отсутствие головы и кистей рук говорит о том, что были приложены усилия, чтобы убитый остался неопознанным. То, что отчленили кисти, говорит еще и о том, что убийца знал, что личность жертвы можно установить по отпечаткам пальцев. А это возможно лишь в случае, если жертва была ранее судима.

– Криминальные разборки? – спросила Катя по репортерской привычке – лишь бы говорить, не думать, не смотреть туда, а то вырвет. Голос ее звучал странно, потому что она все пыталась между словами дышать ртом и ни в коем случае не носом – эта вонь!

– Не знаю, – ответил Гущин. – Факт, что голову и кисти ему оттяпали чем-то не похожим на пилу. Варварски оттяпали. И потом эти пятна в паху, похоже на ожоги... Какова давность смерти, по-вашему?

Это он спросил у местного эксперта-криминалиста.

– Вскрытие даст точный ответ. По моему мнению, судя по состоянию тела, не менее трех дней, – ответил тот. – Мы его на месте осматривать не будем, аккуратно извлечем и отправим патологоанатому. Состояние трупа таково, что осмотр и исследование надо проводить комплексно, в прозекторской. Я созвонился с коллегой Сиваковым. Он сегодня дежурит по области, и у него окно. Он сказал, чтобы труп везли прямо к нему.

Катя поняла: состояние напигованного червями и жуками тела таково, что эксперт боится, что оно лопнет, расплзется у него прямо в яме, если он будет его там ворочать, осматривать.

Эксперт и оперативники начали доставать тело. Гущин внимательно наблюдал за их действиями. Когда труп покинул свою неглубокую могилу, полковник осмотрел яму – там ничего не было, кроме земли и палых листьев.

– Судя по всему, убили не здесь. Сюда привезли и похоронили. А что стало причиной смерти? – спросил он эксперта. – Раны на половых органах?

– Что-то я сомневаюсь, – ответил тот. – Они выглядят скверно, однако это все внешние повреждения. Возможно, причиной смерти стала черепно-мозговая травма. Но головы его у нас нет. Экспертиза что-то прояснит – состояние его внутренних органов, анализ крови.

Гущин натянул резиновые перчатки и сам лично обыскал куртку безголового.

– Ничего. В карманах пусто – ни документов, ни бумажника, – он хотел было перейти к обыску спущенных брюк, уже потянул на себя ткань, пытаясь расправить, однако эксперт помешал ему.

– Федор Матвеевич, нет. Оставьте осмотр до лаборатории. А то я боюсь, что мы его внутренности с листьев начнем собирать.

Гущин сразу же отступился. Экспертов он всегда слушал. Пока тело очень осторожно, на брезенте, несли в вызванную «труповозку», он спросил у местных оперативников, что с осмотром прилегающей территории.

– Сами видите, какой листопад, – оперативник показал на толстый слой палой листвы под ногами. – Там, там и там зафиксировано нарушение слоя листьев и перегноя, похоже на след волочения. Труп волокли до этого места на той самой синей шторе для душа, которой потом тело и накрыли при

закапывании. Следов ног того, кто это сделал, на этой почве мы не нашли и не найдем. Следов машины нет. Его сюда во-локом тащили.

– Ясно, что не оттуда, – Гушин кивнул на заросли, за которыми гудело Калужское шоссе. – Скорее всего, приехали по проселочной дороге. Возможно, ночью.

– Почему ночью? – спросила Катя.

– Риска меньше, – ответил Гушин. – Хотя сейчас темнеет уже рано. И я не думаю, что убийца местный.

– Почему? – Катя уже заинтересовалась.

– Местный нашел бы другое, гораздо более пригодное и уединенное место в этом лесу. А тут ясно – воспользовались первой попавшейся ямой недалеко от проселка. Постарались поскорее избавиться от тела, даже закопали кое-как. Собака вон в одночасье нашла.

– Значит ли это, что и убитый – тоже не здешний?

Гушин глянул на нее. И она увидела на его лице – обычно бесстрастном, порой даже ленивом – тревогу.

Она никак не могла взять в толк, отчего полковник Гушин так встревожен. Мало ли было в его практике неопознанных тел? Мало ли трупов, лишенных головы и кистей? Криминальные разборки. Скорее всего, это какой-то браток-уркан. Свои же и прикончили. И сделали все, чтобы ни по фотографии, ни по отпечаткам пальцев из полицейского банка данных его не опознали.

Печально, конечно, если это дело так и останется глухим

висячком, *глухарем*, как выразился полковник Гущин. Но мало ли? Что поделаешь? Не все убийства раскрываются. Такова реальность.

Но этот взгляд Гущина...

– Федор Матвеевич, что с вами? – тихо спросила Катя. – Я же вижу – что-то не так. И вы... вы словно привидение увидели.

Гущин лишь глянул на нее снова.

– Посмотри на его раны. – Он наклонился к ней близко, шепнул: – На кости рук. Он был еще жив, когда руки ему отрубали. Видишь, вся ткань куртки на рукавах и на полах пропитана кровью. Он был еще жив... Начали не с головы. *Это дело плохое. Это дело совсем дрянь.*

Катя ощутила холодок, пробежавший у нее по спине.

Почему-то она сразу в ту минуту поверила Гущину на слово.

Но потом тут же усомнилась – нет, нет, такое уже бывало раньше, трудности для опознания, криминальная разборка...

Она хотела сказать, что уж в морг, в прозекторскую, она ни за что не поедет! Пусть уж Гущин с Сиваковым там сами...

Но что-то ее остановило.

Катя впоследствии все думала: что же ее тогда остановило? Она ведь не хотела ввязываться в это дело с изувеченным телом. Она не испытывала никакого репортерского лю-

бопытства. Обычно это было движущей силой всех ее поступков. Но в этот раз – нет. Ей, наоборот, хотелось убраться оттуда подальше. Но она не убралась. Она поехала вместе с Гущиным на вскрытие.

Не испытывая любопытства, она все же хотела знать – что же так встревожило выдавшего много чего плохого полковника Гущина. Она хотела выяснить, что же с этим неизвестным безголовым трупом не так.

Глава 4

Мы живем на Патриках. Эпикурейцы

Регина Кутайсова стояла у окна спальни и наблюдала редкое явление: над Патриаршим прудом, который упорно в столице именовали исключительно во множественном числе «Патриаршими прудами», бушевал осенний ветер.

Вроде нет более тихого, стесненного со всех сторон домами места в столице, защищенного фасадами и крышами от бури и ненастья, – а вот поди ж ты! Ветер свистел и выл, трепал кроны парковых лип как мочало, сдувая с них желтые и багряные листья. Ветер вызывал на гладкой, зеленой, как бутылочное стекло, поверхности пруда не только обычную рябь, но даже маленькие волны, с тихим плеском набегавшие на выложенные плиткой берега.

Вдруг он внезапно стих, словно умер, словно канул на дно зеленого пруда, который в разные часы – дневные, ночные, утренние, вечерние – кажется разным, чуть ли не уменьшается и не увеличивается в своих размерах. Вот сейчас Регине Кутайсовой, рассматривавшей Патриарший пруд из окна спальни как некую невидаль, зеленый четырехугольник казался неправдоподобно маленьким. Этакая лужица застоявшейся воды в бетонных берегах, капля в море Москвы.

Восемь утра. Суббота. Время для Патриарших мертвое. О нет, для Патриков... Ну конечно же – Патрики, Патрики. Мы живем на Патриках.

После вечера и ночи пятницы, после пятничного загула и расслабухи Патрики дремлют. Патрики крепко спят.

Из окна спальни Регины – единственной комнаты – открывается великолепный вид на Патрики. Окна всех остальных комнат выходят в тесный двор – ухоженный, но все равно похожий на колодец.

Квартира Регины угловая, она примыкает к соседнему серому дому – бывшему доходному, подвергнутому реставрации. Квартира Регины расположена в розовом доме – том самом, что первым обращает на себя внимание всех прохожих на Малой Бронной, в районе пруда, всех туристов, приезжих, зевак, любопытных. Этот дом чаще всего фотографируют на айфоны, делают селфи на его фоне, чтобы потом выложить на «Фейсбук» или «ВКонтакте».

Дом красив и элегантен как принарядившийся черт. Но колер краски вызывает у впечатлительных людей дрожь. Кто додумался выкрасить такой импозантный дом в этот гнойно-розовый цвет, что наводит на мысль о зажившей после ожога коже? Или того хуже – цвет дождевых червей, что в теплые деньки выползают на солнышко на аллеях сквера, окружающего пруд, полакомиться перегноем и палыми листьями?

Да, тот самый дом, где бутик сексапильного белья «Агент

Провокатор», где чудная французская кондитерская, где прежде располагался знаменитый на всю Москву бутик модной одежды.

Бутик теперь закрыт, пустая витрина залеплена какой-то тканью. Однако это не нарушает импозантности розового дома.

Глядя на этот дом, туристы и гости столицы как один восклицают: «На углу у Патриарших! Ну надо же!» Да, но вообще-то и нет. Это только для приезжих лохов. Дело в том, что у пруда – четыре угла. Помните, как в старой песенке про беспризорников? «У кошки четыре ноги... Тра-ля-ля, тру-ля-ля и... хвост. Но трогать ее не моги за ее малый рост!» По четырем углам пруда – угловые дома Патриков, и по Ермолаевскому переулку, и по Большому Патриаршему переулку, и по Малой Бронной – борются не на жизнь, а на смерть за это самое название: «На углу у Патриарших».

И все правы, хотя все и недовольны. И серый дом, и грязно-белый дом с вынесенными по моде тридцатых годов шахтами лифта, прилепленными к стене, словно серая стальная гусеница, и желтый дом, и тот бывший доходный непонятно-го цвета, где ресторан «Фреш», обожаемый веганами и ботаниками. И новый дом с отделанным мрамором вестибюлем в стиле Пятой авеню, и красный дом на Малой Бронной, где магазин «Галантерея». Все эти дома по праву хотят называться «на углу у Патриарших» и не уступать выскочкам и нуворишам из гнойно-розового дома этот устоявшийся в

умах народных бренд.

О, по части народа! Регина присматривается из своего окна получше, щурит прекрасные серые глаза свои. У нее отличное зрение. В свои пятьдесят она отлично видит и вдаль, и вблизи, а если и нацепляет на нос стебные очки в оправе от Гуччи или Вивьен Вествуд, то это лишь для того, чтобы порой скрыть под глазами темные тени от бессонной ночи. Никто из самых придирчивых критиков не дает ей в ее полные пятьдесят настоящего возраста, хотя она никогда его и не скрывала.

Да, по части народа. Народ уже тут как тут! Это в четверть-то девятого утра! Регина из окна видит, как по аллее сквера уже чешут первые зеваки. Это Замкадье прислало своих гонцов, не иначе!

Регина сама в оны еще времена наблюдала, возвращаясь с затянувшейся до рассвета вечеринки, это смешное и наивное, весьма поучительное зрелище: даешь Патрики! Айда, прошвырнемся по старым московским снобским буржуйским местам!

Из зева метро «Маяковская» в выходной, словно пчелы из улья, вылетают дамы с красными обветренными лицами и рабочими мозолистыми руками, одетые так, как и полагается одеваться провинциальной интеллигенции, часто сжимающие в руках поддельные сумки от Луи Вуитон, что видно за километр – вот, и мы не хуже людей! Выпархивают, как мотыльки, горластые коренастые девицы в джинсах, с рюк-

зачками за спиной, кидаются к первому утреннему прохожему на Садовом кольце и орут: как пройти на Патрики?! Куда нам идти к Патриаршим прудам? А где музей-квартира Булгакова? Где Нехорошая квартира?

Получив совет-указание, они поворачиваются и рысью бросаются вперед – целеустремленные, шумные, полные решимости в свой выходной все здесь увидеть и познать и, самое главное – позавтракать в одном из прославленных в сети здешних кафе. Чтобы потом выкладывать фотки в «Инстаграм», собирая лайки – а вот я в свой выходной в Москве! Я ем и пью что тут дают, на этих самых Патриках. И, в общем-то, ничего, круто! Я могу себе позволить! А вы, все остальные, можете, а? Слабо?

Регина всегда считала, что это и есть подвиг народный. А что? Встать в пять утра в свой выходной. Пешком добраться до станции, сесть в электричку на Москву, трястись в ней кто сколько – кто два часа, кто три, а кто и больше. И потом целый день слоняться по Малой Бронной, по Спиридоновке, по Ермолаевскому, по Козихинскому переулку, выбивая из ног глухоту, глаза, познавая этот новый столичный мир. И один-единственный раз за весь выходной позволяя себе поесть, потому что денег все же в обрез. А цены в местных заведениях кусаются.

А что вы хотите? Кризис. Нет, как сейчас дипломатично выражаются – новая экономическая реальность. Здесь, на Патриках, все быстро смекнули и вздюртили цены. Потому

что ни в какую новую реальность местные аборигены – люди ушлые, прожженные, относительно обеспеченные – не поверили. А поверили сразу в великую депрессию.

Но это так... шшшшшшшш! Это строго между нами. Сейчас ведь вообще ни о чем таком не принято говорить с посторонними. Здесь, на Патриках, от таких вредных разговоров всегда уклонялись – и в двадцатых, и в тридцатых, и в пятидесятых, и даже в шестидесятых – в годы оттепели тоже не особо болтали. И в годы застоя, и позже... И сейчас...

О таких вещах с Региной говорит из всех здешних соседей, приятелей и знакомцев лишь ее верная подруга Сусанна Папинака. Но она еще спит. Душечка Сусанна так рано вообще не встает.

Первые утренние зеваки-замкадыши – это муравьи-труженики. Они совсем не похожи на тех беззаботных столичных стрекоз – пьяниц и плясуний, что стекаются на Патрики по вечерам, когда двери всех ресторанов, пабов, кафе и баров открыты, когда все эти знаменитые пропитые места забиты под завязку шумной нетрезвой публикой, когда – страшно сказать – в самых посещаемых точках зверствует беспощадный фейсконтроль, отшивая несчастливцев, рвущихся за стойку поближе к бармену и красоткам, что блистают, как стразы.

Зеваки, которых наблюдала из окна Регина, шествовали по аллее вдоль пруда и, конечно же, искали ту самую скамейку, где сидели Воланд и Берлиоз, калякая о божествен-

ном, и пытались определить точное место, где было пролито то самое постное масло у турникета. И главное – куда откатилась голова, отчекрыженная карающим за атеизм трамвайным колесом.

Ох уж эти зеваки... Регина не отрывала от них глаз, вспоминая и себя, когда они с мужем Платоном – ныне бывшим супругом – двадцать лет назад купили по великому везению эту самую квартиру в сто пятьдесят квадратных метров здесь, на Патриках, в этом красивом доме. И не по такой уж запредельной цене, потому что тогда цены на недвижимость еще только нащупывали новые возможности и горизонты.

Она тоже в первый свой год здесь, на Патриках, все пыталась для себя понять, где была та скамейка и где турникет. А когда представила, ее ужас охватил. Чертов трамвай ведь тогда заворачивал прямо с Ермолаевского. А это значит, что он проезжал по узким переулкам и улице чуть ли не возле самых окон, грохоча, лязгая, дребезжа и тренькая звонком, да еще походя расчлняя на части каких-то забулдыг, поскользнувшихся на разлитом на мостовой прогорклем жире.

Трамвай под самыми окнами Патрики, Ермолаевский и Малая Бронная, к счастью, изжили, самоликвидировали. Причем давным-давно. Здесь, на Патриках, тихой сапой всегда умели соблюсти собственный интерес. Вот на Чистых прудах, где, между прочим, квартиры тоже ой какие дорогие, там до сих пор грохочут, ползают уродливые трамваи, будя по ночам нервных обитателей дорогих домов.

А на Патриках – нет!

Регина услышала какой-то шум за спиной. Оторвалась на мгновение от окна. Дверь ее спальни распахнута – за ней анфилада комнат, превращенных в единое пространство, су-мерки утра и ее дочь...

Старшая дочь в ночной рубашке, своей нелепой изувеченной походкой устремляющаяся довольно бодро и совсем не сонно в сторону туалета.

Регина проводила ее взглядом.

Как она ходит, ее дочь... ее старшая дочь?..

Как она двигается теперь?..

И как ходила раньше. И дело не только в походке и увечьях.

Дело еще в том, что...

Регина снова отвернулась к окну. Нет, не надо с утра это поднимать со дна своего сердца. Это и так ежеминутно, ежедневно – в ней, там, внутри, вся эта боль, жалость, ярость...

Все, что связано с ее старшей дочерью и ее судьбой.

Сейчас, встав с постели – что-то ведь ее разбудило, ветер, наверное, этот ветер, такой неожиданный, невиданный над лужей старого пруда, – она просто хотела спокойно помедитировать, понаблюдать окружающую ее жизнь.

Это ведь новая жизнь для нее, для Регины. После развода с мужем Платоном прошло пять месяцев. И все это время она и ее старшая дочь живут здесь, в их квартире на Патриарших.

Муж оставил за собой их большой особняк на Новой Риге. Там сейчас новая хозяйка, его молодая жена. И там живут другие дети – сын и младшая дочь.

Хотя это последнее ничего не значит. И сын, и младшая дочь почти постоянно здесь. Они приезжают. Они навещают ее, Регину, они помогают и своей старшей сестре в ее несчастье.

Для них, ее младших детей, Патрики – родные места. Здесь все они, вся их семья Кутайсовых, прожили несколько вполне счастливых лет. Здесь сын и дочь пошли в школу – ту, что на Большой Бронной улице, известную в Москве как «очень-очень хорошая, престижная школа», где помимо английского и французского, помимо отличного курса литературы и естественных наук, изучают также славянские языки: чешский, польский, сербский. Школа находилась в двух шагах от знаменитого кирпичного дома «на перекрестке», где некогда так широко и весело жила дочка партийного Генсека и обитали разные знаменитости из мира театра, музыки и кино.

Когда они всей семьей переехали на Новую Ригу, в большой, со вкусом отстроенный особняк, школу пришлось, увы, сменить. И Регина всегда жалела об этом.

Но их младшая дочь – общая их дочь с мужем Платоном – родилась все же здесь, на Патриках.

Все, кто родился здесь и прожил достаточно долго, – эпикурейцы. Так думала Регина. Здесь, в воздухе над этим ле-

нивым прудом, над улочками и переулками, разлит этакий вирус эпикурейства. Особого взгляда на жизнь.

Однако во времена великой депрессии, апатии и странного безразличия ко всему, окутавшему Москву в последние годы, даже завзятым эпикурейцам приходится несладко.

Сколько тут всего было, на Патриках, и сколько позакрывалось! Сколько планов и надежд разрушилось, расточилось как дым! Во времена оны было принято считать, что Патрики – этакое расслабленное хипстерское местечко. Хипстеры и креаклы... О, где вы теперь! «Кто вам целует пальцы...»

Но кое-что сохранилось и до сих пор бурлит, хотя бурление это все больше и больше похоже на пузыри – как те, что вздувает на поверхности пруда нежданно подувший осенний ветер.

В баре «Клава» по вечерам по-прежнему битком. Там из всех сил пытаются изобразить веселье. Народ клубится у стойки с коктейлями в руках. Музыка играет. Во внутреннем дворике – крохотном, но стильном – сидят за столиками такие же стильные юноши с погасшими взорами и не в меру разругавшиеся дамы, когда-то владевшие каким-то бизнесом, а теперь просто проедающие и пропивающие остатки накоплений.

В корейском баре «Киану» тоже пьют и из всех сил стараются окунуться, как в омут, в веселье. И в «Хлебе и вине», и в новом пабе, что на углу Большого Патриаршего, рядом с аптечным пунктом.

Раньше бар «Клава» посещали колоритнейшие дамы – в пальто от Дольче и Габбана с леопардовым принтом, с сумками из крокодиловой кожи, некоторые даже с махонькими песиками на сгибе локтя. Они приезжали на Малую Бронную в сверкающих лимузинах. Главная цель – знаменитая триада: бутик белья «Агент Провокатор», бутик «Джузеппе Занотти Дизайн» и, конечно же, «Кристиан Лабутен».

Лимузины уезжали. Колоритные дамы делали покупки и, обвешанные несчетным количеством дорогих фирменных сумок, заканчивали день свой на Патриках, в баре «Клава», обмывая новые туфли-лабутены и шелковые кружевные трусики.

И это все куда-то пропало.

Сказать честно, Регина Кутайсова не очень об этом жалела.

Она сожалела о другом: в некоторых пабах стали нещадно добавлять в коктейли водку. Потому что благородные ингредиенты коктейльных рецептов – ром, ликеры, виски – зверски подорожали.

Регина не могла сказать, что после трагедии со старшей дочерью и всего того, что им пришлось испытать – больниц, докторов, хирургических операций, не принесших особого результата, последовавшего за этим развода с мужем Платоном, раздела имущества, переезда сюда, в доставшуюся ей по договору с мужем квартиру на Патриарших, – она стала выпивать...

Нет, она все еще очень следила за собой. Это доказывали и подтверждали многочисленные (даже чересчур многочисленные) селфи, которые она загружала в свой «Инстаграм» – в разных нарядах, в изящных позах, – пытаясь донести до окружающего ее мира мысль: вот она, и все невзгоды и потери, даже развод, ей нипочем в ее пятьдесят лет!

Но выпить порой тянуло. И переизбытка водки в коктейлях как-то не хотелось.

Регина снова прищурилась, наблюдая пруд и аллею сквера. А это уже не зеваки-туристы. Это две местные достопримечательности – Хромая Марго и Лысая Золушка.

Две старые как мир проститутки, уличные, работающие на Патриках с незапамятных времен. Им наверняка уже тоже по полтиннику, но у них все еще есть клиенты.

Обе модельного, почти баскетбольного роста, их сразу увидишь в любой толпе. Утро... Их ночная смена закончилась. Чешут они из ближайшего отеля, что в переулках, после ночи с клиентами. Обе ищут кафе, которое в этот ранний час уже открылось для завтрака.

С бодуна обе, и Хромая Марго и Лысая Золушка, будут как пайныки есть яйца-пашот и пить кофе капучино. Они снимают квартиру где-то у черта на куличках, как обычно – где-то в Выхино или Жулебино, но дни свои и ночи проводят здесь, на этом пяточке, на четырех углах, где каждый угол считает себя единственным «углом на Патриарших».

Регина следила за ними взглядом. Хромая Марго не хро-

мает. Она прозвана так потому, что однажды у нее просто отломился высоченный каблук у замшевого ботфорта. Эта дылда носит розовые колготки, кожаную юбку-мини и кожаный бомбер.

Лысая Золушка, по слухам, которые так любят Патрики, в молодости облысела и с тех пор носит умопомрачительные парики.

Вот эти две старые курвы плывут себе, грациозно показываясь на шпильках, виляя бедрами, завлекая, хотя кругом нет никого, способного клюнуть на перепихон.

А ее дочь не может вот так грациозно...

И перепихнуться ей, видимо, тоже уже не суждено.

И дети... Детей у нее никогда не будет.

Ее прекрасная старшая дочь стала такой, что теперь ни один мужчина... ни один парень из их круга не станет...

И что же, всему этому так и придется остаться *вот так*, без уплаты по всем счетам?

Регина Кутайсова обернулась. Она почувствовала, что ее дочь рядом. Что, пока она медитировала, наблюдала утреннюю жизнь у пруда, дочь, закончив свои дела в туалете, не ушла к себе в спальню. Нет, она стояла, опершись спиной о дверной косяк, и наблюдала за ней, своей матерью.

– Что, Ло? – мягко спросила Регина. – Еще рано, поспала бы ты.

– Мама, почему у тебя так блестят глаза? – спросила дочь.

– Блестят? У меня?

– Блестят как у хищника, – ответила дочь.

Регина не ответила. Дочь порой говорит странные вещи. Но в наблюдательности ей тоже не откажешь. А вот с другими вещами у нее полная катастрофа.

Когда Регина снова обернулась, анфилада за ее спиной уже была сумрачна и пуста.

Регина подумала: несмотря на свое увечье и неуклюжесть, дочь ее все же движется вполне уверенно и бесшумно.

И глаза ее тоже блестят в сумраке утра, словно глаза дикой кошки.

За окном, мимо пруда, мимо лип, мимо желтого ресторана «Павильон», похожего на этакий Трианон-Мальмезон у воды, проехал, пытая, дребезжа щетками, мини-чистильщик, мобильный дворник.

Где-то внизу хлопнула дверь подъезда – старуха в накинутой поверх синего спортивного костюма ветровке с эмблемой «Динамо» отправилась в подвальный магазин «Продукты», что в двух шагах от розового дома.

На Патриках все еще жили старики-пенсионеры – в основном из бывших работников ЦК и Совмина, осколки...

И маленькие магазинчики в подвалах фешенебельных домов стали открывать все чаще – признак великой депрессии и нищеты.

Регина подумала, что в это субботнее утро неплохо бы встретиться с подругой.

Ей отчего-то не хотелось в это утро оставаться наедине с

дочерью в пустой огромной квартире.

Глава 5

Что поведал труп

– Состояние тела оставляет желать лучшего, – эксперт-патологоанатом Сиваков – давний знакомец полковника Гущина и Кати – потыкал пальцем в резиновой перчатке грудную клетку трупа.

Они втроем стояли в прозекторской, возле покрытого нержавеющей стали стола со стоком. Все трое – как космонавты, в защитных комбинезонах и масках из пластика. Под носом у Кати было густо намазано белой мазью, пахнущей ментолом и мятой. Но все равно она ощущала этот кошмарный запах, наполнявший прозекторскую.

Не хотела она ехать в морг! Да Гущин и не просил ее. То есть она собиралась, но планировала, по обыкновению своему, просидеть все вскрытие на банкетке в коридоре, робко и лишь изредка поглядывать туда, за стекло, в прозекторскую, где визжали хирургические пилы, а сам Сиваков в облачении патологоанатома напоминал безжалостного доктора Моро.

Но когда они приехали туда с Гущиным, когда санитары бодро повезли тело на каталке готовить к экспертизе, Катя посмотрела на полковника и...

Краше в гроб кладут!

Гущин не выносил вскрытий. По долгу службы он обязан

был присутствовать в прозекторской, однако давалось ему это с трудом. Сколько раз бывало – тот же эксперт Сиваков приводил его в чувство при помощи нашатыря.

Вот и сейчас Гущин был бледен как мел, решителен и одновременно странно робок. Он топтался на пороге кабинета, где патологоанатомы одевались в специальные костюмы.

– Ну да, ну да... сейчас... сейчас... я только...

Кате стало жаль полковника Гущина. Она все никак не могла забыть их прошлое дело, когда он так героически спас ребенка, когда не колебался ни секунды, а сейчас делал над собой явное усилие, чтобы не потерять лицо перед Сиваковым.

– Ладно, пойдемте вместе, Федор Матвеевич, – опрометчиво сказала она, желая его подбодрить.

И тут же пожалела об этом.

А стоя в прозекторской возле стола с телом, ощущая *эту вонь*, несмотря на ментоловые усы из мази на верхней губе, она пожалела стократ!

Ей показалось, что, когда она сказала, что пойдет с ним *туда*, в глазах Гущина мелькнула искорка. И тут же он еще больше побледнел.

– Какова давность смерти? – спросил он глухо из-под своей прозрачной маски.

– Три-четыре дня. Консистенция кожных покровов рыхлая, – Сиваков все тыкал несчастное тело.

А затем взял огромные, страшного вида хирургические

ножницы и начал осторожно обрезать одежду – куртку, свитер, футболку, спущенные до лодыжек трусы и брюки.

Слипшуюся, грязную, окровавленную одежду он аккуратно складывал в контейнер на соседнем столе.

Когда тело предстало в своей первозданной нагоде, помощник Сивакова взял анализы крови.

Сиваков низко наклонился и, чуть не касаясь маской ужасных кожных покровов, начал что-то рассматривать. Затем взял пинцет, начал собирать какие-то образцы из ран.

Катя широко расставила ноги и изо всех сил уперлась в мраморный пол прозекторской. Ничего такого еще не произошло, а ей уже дурно.

Она покосилась на полковника Гущина. Тот неотрывно глядел на пинцет в руках патологоанатома.

– Мужчина, европейской внешности, возраст от сорока до сорока пяти лет, – монотонно забубнил Сиваков. – Средней упитанности, с хорошо развитой мускулатурой. Возможно, светлый блондин или рыжий.

«Головы-то нет. Как он узнал, что рыжий?» – подумала Катя.

– Веснушки на коже груди, пигментация, рыжие волосы на ногах, светлые волосы в области лобка. Явно не брюнет, – Сиваков словно откликнулся на ее незаданный вопрос. – В ранах в области шеи и запястий много хвои, фрагменты листьев, перегноя.

– Я предположил, что его убили где-то в другом месте, а

в лес у Калужского шоссе привезли на машине похоронить. Но если в самих ранах хвоя и перегной, то что? – еще более хрипло спросил Гушин. – Могли и в лесу убить и расчленить?

– Могли и в лесу, – ответил Сиваков. – Но раны могли быть так загрязнены и в момент захоронения. Точно сказать невозможно. Ищите место, где он был убит.

Гушин тут же хотел звонить, дать ЦУ, чтобы местные оперативники повторно выехали в лес к шоссе и осмотрели прилегающую к могиле территорию уже со служебной собакой. Но в комбинезоне мобильный было не достать из кармана. Да и маска мешала болтовне.

– Что стало причиной смерти? – спросил он.

– Не знаю пока, – ответил Сиваков. – Раны на руках и в области шеи рубленые. Много осколков костей. Нанесли несколько ударов, скорее всего, топором.

– Раны на руках прижизненные, – сказал Гушин. – Он был еще жив, когда ему отрубили кисти, чтобы затруднить опознание.

– Это повреждение, – Сиваков указал пальцем на торчащий из плеч фрагмент позвоночника, – посмертное.

Внезапно он обернулся к переговорнику и попросил:

– Анализ крови как можно скорее чтобы был готов.

– Алкоголь? Думаешь, был пьян? – спросил Гушин.

– У него следы инъекций на плече, – Сиваков кивнул на тело. – Делали укол прямо через одежду. И не в то место,

куда обычно колются сами наркоманы.

Катя ничего не различила в этом ужасе разложения. Никаких следов инъекций. Но Сивакову поверила.

– Резать или сначала все вместе осмотрим одежду? – неожиданно самым невинным тоном предложил Сиваков.

«Он над нами потешается, – подумала Катя. – Это при мертвом-то изуродованном теле! Думает, если сейчас резать-вскрывать его начнет, мы с Гушиным в обморок прямо здесь хлопнемся. Сначала я, потом он. Нет, сначала он, потом я».

– Одежду, одежду давай, – неприлично торопливо попросил Гушин. – Я бегло куртку осмотрел – ни документов, ни бумажника, ни кредиток, ни мобильного.

– На пластике кредиток остаются хорошие отпечатки пальцев, – словно сожалея, сказал Сиваков и повернулся к контейнеру со срезанной одеждой.

Он медленно брал из контейнера фрагменты и раскладывал на мраморной столешнице. Ощупывал. Смотрел, есть ли бирки, метки.

Куртка, свитер, футболка...

– Одежда поношенная, но хорошего качества, – сказал Гушин.

– Свитер корейский, мохер с синтетикой, – Сиваков гладил пальцами в перчатке окровавленный лоскут с биркой. – Такие раньше продавали на вещевых рынках, а теперь – в торговых центрах при вокзалах, на станциях. А также в ма-

леньких городах, где не особо модничают.

– Татуировок нет, – заметил Гущин. – Ни одной. Не отпечетый уголовник, однако все же был ранее судим.

– А вот ботинки у него очень хорошие. Замшевые, – заметил Сиваков, извлекая из контейнера ботинок и внимательно его рассматривая. – Сорок третий размер. Ну правильно, мужик роста был выше среднего. Он не производит впечатление хилого и слабого.

Он достал из контейнера окровавленные лоскуты трусов. И снова обернулся к телу.

– Взгляните на раны в области половых органов, – сказал он. – Ожоги в области лобка, мошонки. Использовали или зажигалку, или маленький самодельный факел. Ту же ветку сухую могли поджечь и ткнуть. Пытали его, дорогие мои коллеги. Прижигали перед тем, как убить.

– Пытали? – еле слышно прошелестела Катя.

– Вот именно. Интересно, что нам даст анализ крови? – Сиваков покачал головой. – Пытки. Прижизненные раны рук, удаление кистей, головы...

Полковник Гущин тем временем извлек из контейнера разрезанные джинсы – сначала одну штанину, затем другую. Голубая ткань заскорузла от крови в области пояса и молнии. Он выложил все это на мраморную столешницу, провел рукой и...

– В кармане что-то есть, – сказал он.

Эксперт Сиваков снова вооружился ножницами и разре-

зал карман.

Катя увидела что-то черное. Ей сначала показалось – это большой жук-гнупед, и она отшатнулась. Но затем морок рассеялся, и она увидела ключ и брелок.

– Ключик, – Сиваков поддел все это пинцетом.

Он поднял руку. Брелок покачивался. Матовая пластмассовая поверхность его словно взывала к...

– Федор Матвеевич, это же его вещи! – воскликнула Катя. – Он же за них брался руками!

– Захоронение давностью три-четыре дня, сырость, загрязнение. Вряд ли что-то можно изъять с такого вещдока, – заметил Сиваков.

– Федор Матвеевич, у него все забрали – мобильник, бумажник, документы, а про ключи в кармане забыли! – не унималась Катя.

– На экспертизу. Дактилоскопическую, – сказал Гушин. – И... о черт, до телефона не доберешься в этой амуниции!

– На экспертизу. Дактилоскопическую – упаковать и отправить, – приказал Сиваков помощнику, передавая брелок. – Ну что, дорогие мои коллеги? Приступим? Я приступаю к вскрытию тела неизвестного мужчины возраста примерно сорока – сорока пяти лет, европейской внешности, умеренной упитанности, – забубнил он для записи на диктофон, одновременно выбирая на хирургическом столе свои устрашающие инструменты.

Когда он сделал первый разрез, Катя тихонько поверну-

лась и на ватных ногах заковыляла прочь из прозекторской.

В коридоре за этими герметичными дверями она сначала усиленно дышала и все никак не могла надышаться. Пропахший формалином воздух казался ей почти по-альпийски свежим.

Полковник Гушин продержался на вскрытии ровно полчаса. Когда Сиваков что-то там начал пилить и извлекать, он тоже вышел вон – с чрезвычайной поспешностью. Содрал с лица маску и плюхнулся на банкетку рядом с Катей.

Помощник Сивакова по традиции тут же принес заготовленную заранее склянку с нашатырем. Помог Гушину снять грязные резиновые перчатки.

Гушин нюхнул нашатырь.

– Хочешь? – спросил он Катю, словно предлагая дозу боги вест какой наркотики.

– Нет, – ответила она.

Она не стерла свои белые ментоловые усы с верхней губы, так и сидела с ними. Оно вернее.

Гушин тут же начал звонить и раздавать ЦУ – насчет осмотра территории леса со служебной собакой, насчет дактилоскопии с брелка сигнализации и насчет розыска бесхозной машины неизвестно какой марки.

Оперативники сообщили последние новости. По сводкам из района, а также из соседних Щербинки и Троицка никаких сведений, звонков или заявлений о пропаже без вести мужчин за последние пять-шесть суток не поступало.

– Если он уголовник, – сказала на это Катя, – то неудивительно.

Сиваков истово трудился в прозекторской, бодро извещая Гущина и Катю о каждом своем действии по вскрытию безголового трупа.

Они сидели и терпели, радуясь, что снова находятся по эту сторону прозрачного стекла.

Через два часа явился эксперт из лаборатории.

– У неизвестного алкоголя в крови нет, – сказал он Гущину. – Но кое-что другое мы обнаружили.

– Что? – спросил Гущин.

– Тиопентал натрия. Солидная доза.

– Наркотик? – спросила Катя.

Эксперт-гематолог лишь глянул на нее и зашел в прозекторскую. Они с Сиваковым о чем-то начали шептаться над мертвым телом.

Глава 6

Мы живем на Патриках.

Гиперборейцы

Регина Кутайсова больше часа занималась на велотренажере, приняла душ и решила, что пора – одиннадцать часов, ее подруга Сусанна Папинака уже продрала глаза, и ее можно будет вытащить куда-нибудь позавтракать в это субботнее утро.

По квартире с кухни полз запах жаркого. Дочь Регины Ло жарила в мультиварке свиные отбивные. Не самое лучшее, что можно предложить на завтрак. Однако Регина и словом не обмолвилась, что ей неприятен запах горелого жира. Дело в том, что с некоторых пор... точнее, *с той самой катастрофы*, ее старшая дочь Ло очень изменилась. Кардинально изменились и ее вид, и ее вкусы, и пристрастия в еде.

– В кондитерскую со мной не заглянешь, Ло? – только и спросила Регина. – Кофейку попьем со сладеньким? И Сусанна к нам спустится.

– Нет, – ответила Ло, проворно ковыляя по огромной светлой кухне, отделанной нержавеющей сталью и тиковым деревом. – Спасибо, нет. Я жарю себе отбивные. А потом зажарю сосиски на гриле.

Огромный холодильник был забит мясом – отбивные,

стейки, бургеры, сосиски для гриля. Это была пища старшей дочери Ло. Регина давно отказалась от красного мяса, она не была веганом, но из мясного ради фигуры ела лишь отварную курицу без кожи.

– Если Гаврюша с Гретой приедут, то прогуляйтесь, – сказала Регина, – день сегодня классный. Мы с Сусанной будем в «лодырях».

– Развлекайся, мама. Если они приедут, мы управимся.

Регина натянула узкие рваные джинсы, белые кроссовки, серую худи и куртку-бомбер на заклепках. После развода она редко одевалась как прежде, совсем забросила классический стиль и все больше тянулась к стилю молодежному.

Она оглядела себя в зеркало – красота... Красота все еще с ней, она здесь, никуда не делась. Высокий рост, идеальная фигура, хрупкость, изящество. Эти огромные серые бездонные глаза. Красота... Всего в жизни она добилась с помощью именно красоты. Красота помогла ей заполучить мужа Платона и войти в его семью, где всегда ценили только деньги и достаток.

Но прожив половину жизни, Регина неожиданно поняла, что есть кое-что и поважнее красоты – это молодость.

Ах нет, она поняла это давным-давно... Больше двадцати лет назад, тогда, в девяносто четвертом, во время того самого, скандального, конкурса красоты «Мисс Москва»...

Она тогда уже поняла, что молодость выигрывает – когда тебе уже двадцать семь, алмазную корону королевы красоты

получает та, которой восемнадцать.

Сейчас ее старшей дочери Ло двадцать семь. А новой же- не ее бывшего мужа Феодоре – двадцать шесть. Мачеха юнее, мачеха прекрасней.

Регина поднесла руку к глазам – нет, не надо, не надо сно- ва об этом! Такое ветреное солнечное утро на родных Пат- риках... Она ведь проснулась с ощущением тоже прекрас- ным – осознанием какого-то важного, очень важного дела, которое свершилось наконец. Не надо грустить, не надо пла- кать о бывшем муже Платоне, бросившем ее и тогда, три го- да назад, и сейчас, предавшем их союз, их семью, все, что они строили вместе...

Она обвела глазами огромную квартиру – светлую, от- деланную полированным деревом и античной штукатуркой, почти лишенную мебели, полную воздуха и пустоты. Люст- ры муранского стекла под высокими потолками, ее портрет в образе Принцессы Грезы, который написала в своей небреж- ной манере художница и насмешница Сусанна Папинака.

Когда они в конце девяностых жили здесь, в этой боль- шой квартире, всей семьей, она казалась тесной, несмотря на свои внушительные габариты. Или им только чудилось? Потому что они могли себе позволить такую квартиру и уже строили планы о строительстве загородного особняка на Но- вой Риге? Трое детей – Ло, сын Гаврюша и маленькая Гре- та...

Регина никогда не делила детей на своих и... Ло была ее

дочерью, Платон удочерил ее. Когда они встретились – как раз во время того ажиотажа, что окружал тот самый конкурс красоты «Мисс Москва» девяносто четвертого года, – Регина была матерью-одиночкой с четырехлетней Ло на руках. А у Платона был сын от первого брака – двухлетний Гавриил. Когда они поженились, Платон забрал мальчика у своей бывшей – она происходила из известной торгашеской семьи, но к началу девяностых страшно опустилась: гуляла направо и налево, пила по-черному.

Маленький Гавриил сразу воспринял ее, Регину, как свою мать. Она помнила тот день, когда муж привез его насовсем. И двухлетний мальчик шагнул к ней, встречавшей его в холле у двери, и сразу вложил ей в руку свою крохотную ладошку. Регина всегда считала его своим сыном. И любила его больше всех – больше Ло – старшей, и даже больше их общей с Платоном дочери Греты, родившейся в девяносто девятом здесь, на Патриках. Наверное, она так сильно любила своего приемного сына Гавриила, потому что он был мальчик, а она всегда хотела, кроме Ло, иметь еще и сына. Но у них с Платоном родилась девочка Грета.

А теперь дети выросли. Сын и младшая дочь остались жить в их большом доме на Новой Риге. А Ло – бедная, искалеченная, потерявшая память, потерявшая всю себя прежнюю, – Ло живет с ней.

И не надо, не надо все это снова ворошить сейчас! Она ведь хотела просто прошвырнуться к подружке Сусанне в

дом на углу Спиридоньевского переулка – здесь, в двух шагах, – и вытащить ее попить кофе в «лодырях».

Регина спустилась на лифте и вышла из подъезда. Вид пустующего закутка, где обычно сидела консьержка, наполнил ее сердце странным торжеством.

Казалось бы, наоборот, то, что подъезд их дома без призора, должно было вселять беспокойство. Но Регина отчего-то вздохнула с облегчением: пока в ТСЖ наймут нового работника, мы все здесь будем ходить и возвращаться, когда нам угодно!

Она завернула за угол на Малую Бронную и оглянулась на пруд. Если из окна ее спальни он представлялся неправдоподобно маленьким, то сейчас выглядел несуразно большим. В этом магия Патриков: пространство и время здесь словно искривляются – то растягиваются, то сжимаются, это как некая маленькая Вселенная, живущая по своим правилам.

По Малой Бронной все еще сонно и лениво ползали туристы – в основном девицы с айфонами в руках. Они беспрестанно останавливались и делали селфи – у витрины кондитерской, у белых с патиной дверей ресторана «Вильямс». Хихикали, фотографировали двери итальянской траттории, где на широких внешних подоконниках витрин уже были разложены полосатые подушки для посиделок. Снимались на фоне вывески и таких же точно широких внешних подоконников корейского бара «Киану», где алого цвета подушки были в форме сердец. Застывали в ступоре и млели, раз-

глядывая витрину бутика «Джузеппе Занотти Дизайн» и, конечно же, витрину «Лабутенов», робея и так и не решаясь зайти в этот дорогой магазин.

Регина медленно направилась в сторону Спиридоньевского переулка, бросив мимолетный взгляд на витрину «Агент Провокатор». Трусики танго на манекене...

Она вдруг подумала: четыре года у нее ни с кем не было секса! Четыре года она словно соломенная вдова или монашка. Месячные все еще приходили, и порой приливами накатывало возбуждение, она мастурбировала в своей большой пустой кровати, но настоящего секса... любви... какая, к черту, любовь... секса, обычного хорошего секса не было и в помине.

С бывшим мужем Платоном они были вместе черт знает когда, потом она узнала, что он изменяет ей с Феодорой, молоденькой дурочкой Феодорой, приятельницей Ло и дочкой Каменной Башки. А потом случилась катастрофа, и три года она нянчилась с Ло – больницы, операции, врачи, полиция, психотерапевты...

О себе она и думать забыла. На то, чтобы завести кого-то, хоть на час – молодого, жадного до плотских утех, – просто не было времени.

Так что ариведерчи, трусики танго в витрине чудесного бутика!

Проходя мимо кафе «Донна Клара», Регина подумала, что, может, здесь они засядут с Сусанной. Сколько всего

связано с этим старым кафе за эти двадцать лет! Но Сусанна обожала французскую кондитерскую «Лаудери», которую они про себя нежно называли «лодыри».

Айда к «лодырям»? Там хорошо, правда, дорого. Но там все еще европейский шик. Там можно почувствовать, что жизнь... их прежняя жизнь, та, к которой они привыкли, не сохла под натиском великой депрессии. И кто мы такие, в общем-то, – содержанка пятидесяти лет Сусанна и она, Регина, разведенная жена, пополнившая собой такой многочисленный столичный клуб бывших жен? Кто мы такие, если не лодыри по своей сути?

Нет, не лодыри. Мы эпикурейцы.

Так думала Регина, заходя в знакомый двор дома своей подруги. Она наблюдала и других эпикурейцев, что выполняли из своих патриарших нор, чтобы погреть нос на осеннем солнышке, позавтракать где-то *не дома, где угодно, лишь бы не дома*. Ну, например, в «Скрамбле», что на соседней Спиридоновке, где так ловко готовят такие вкусные вафли и омлеты.

Эпикурейцы брели поодиночке и парами – все еще стильные, но уже слегка потрепанные, вели за руку детей. По велодорожкам ехали велосипедисты. И на сердце у Регины потеплело.

Патрики все еще жили, они не умирали. Они представляли собой весьма яркий контраст с остальным городом, с Москвой, в которой Регина замечала в последнее время

столько разительных перемен.

Проезжая по Москве на такси или на своей машине, которую она не слишком любила водить, Регина видела, что окружающий ее мир словно линяет. Будто мокрой тряпкой стираются прежние яркие краски.

Огромное количество пустых заброшенных магазинов на Садовом кольце. Серые, слепые, пыльные витрины, лишившиеся даже объявлений об аренде. Квадратные километры пустующих помещений в прекрасных зданиях из стекла. Какая-то жизнь, какая-то активность все еще клубится на маленьком островке между Смоленской площадью, Старым Арбатом и Маяковской. А все остальное огромное пространство Садового – вымерший в смысле коммерции и торгового дела пейзаж.

Там, где прежде лепились вывески, реклама, где теснились по соседству офисы туристических фирм, банков, трастовых фондов, адвокатских контор, офисов нотариусов, дизайнерских магазинов, магазинов одежды, спорттоваров, обуви, – ничего, все закрыто.

Такое же странное зрелище представляла собой улица Якиманка – начало Золотой мили в двух шагах от Кремля. Тусклые, немытые стеклянные витражи роскошных зданий, где раньше располагались банки и консалтинговые конторы, канувшие в небытие. В торговом центре в начале Якиманки витрины залеплены какими-то тряпками и все пусто, мертво. Там, где некогда финансовые воротилы обсуждали мил-

лиардные сделки, теперь – такая жалкая на фоне богатых фасадов вывеска «Пивной ресторан».

Закрытые магазины, тротуары – чистые, ухоженные, но по которым никто, никто не ходит. Зброшенные офисы, возле которых не паркуются машины.

А дальше пейзаж еще безотраднее: Болотная площадь и Дом на Набережной, лишившийся своей серой закопченной ауры, вроде как выкрашенный чисто и аккуратно, но в странный цвет жидкого коричневого говна. Дом на Набережной с полумертвым, обветшалым Театром Эстрады, с закрывшимися магазинами и разрушающимся прямо на глазах кинотеатром «Ударник» с чуть ли не заколоченными картоном слепыми окнами фойе. Дом на Набережной – как символ великой депрессии, похожий на старое гнездо издохших стервятников, скрепленное окаменевшим вековым пометом «сталинских соколов», полное старых костей и страшных легенд.

Эти огромные пустые городские пространства, которых народ словно стал избегать – хотя все вокруг благоустроено, прилизано и выложено новенькой плиткой. Все еще полно машин на Каменном мосту, все еще пробки, но все какое-то нереальное, призрачное. Словно впавшее в летаргию, лишенное смысла.

Регина невольно вспоминала девяностые и начало нулевых. Тогда жили тоже не слишком сладко, а порой и горько, но такой летаргии и безразличия, такой всеобъемлющей пустоты не было. На каждом углу чем-то торговали, народ сно-

вал по магазинам, пусть и не покупал, но глазел, строил планы. Везде кипела жизнь. Если торговля – это жизнь города, то Москва жила, покупала, продавала, хорошела и вселяла какие-то надежды.

А сейчас на этих каменных, благоустроенных, выложенных плиткой пространствах словно все умерло, зачахло на корню.

Может, лишь в центре так? Может, окраины живут и торгуют? Но нет, и там летаргия, полумертвый сон равнодушия ко всему.

И лишь Патрики – логово бессмертных московских эпикурейцев – все еще боролись из последних сил с этой всеобъемлющей пустотой, с этой плотной паутиной безнадеги и усугубляющейся нищеты.

«Это потому, что эпикурейцы превращаются в гиперборейцев, – говорила подруга Регины Сусанна Папинака. – Улавливаешь разницу? По моему мнению, здесь, у нашего пруда, словно лягушки в тине, всегда жили именно гиперборейцы – умельцы лавировать и противостоять во все времена этому злему северному ветру – разрушителю надежд. Этому самому «Зима близко», понимаешь? Тут всегда сопротивлялись, пусть и пассивно».

Сусанна жила в столь же знаменитом доме, что и розовый дом Регины. Этот дом – на углу Спиридоньевского и Малой Бронной, тот, где кафе «Донна Клара», бывший дом «нового соцбыта» – дом работников Госстраха.

Сусанна так про себя и своих соседей и говорила: мы живем в «Страхе».

Регина набрала знакомый код, вошла в подъезд и поднялась по лестнице. Эти знаменитые двустворчатые входные двери дома-«страха». Сусанна специально не стала их менять. Регина позвонила и заглянула в глазок камеры – это я.

Дверь ей открыла Света – помощница Сусанны по хозяйству. Она обычно являлась дважды в неделю и делала уборку. Вот и сейчас в ее руках был моющий пылесос.

Света, женщина неопределенного возраста, была толстой, проворной и очень сильной. На полном опухшем лице выделялся приплюснутый нос, толстые губы были словно вывернуты и всегда накрашены розовой помадой. Щеки отвисли, однако глубоко посаженные глаза глядели приветливо и добро. Похожая на алкашку Света на самом деле в рот не брала спиртного, отличалась честностью и строгими правилами поведения. Три года назад она работала консьержкой в доме Регины.

Но тогда Регина с мужем наезжали в квартиру на Патриарших лишь изредка. Позже там перед самой катастрофой обосновалась Ло. Регина не очень любила вспоминать те дни.

Сусанна переманила консьержку Свету к себе в приходящие домработницы всего несколько месяцев назад и не могла ею нахвалиться.

– Доброе утро, – поздоровалась Регина. – Встала сама?

– Встала, встала. – Сусанна возникла в холле за спиной мощной домработницы уже одетой. – Пойдем кофейничать-чаевничать в «лодыри». Здесь уже генеральная уборка кипит вовсю.

– Из ванной все свечки ваши повыкину, там огарки одни остались, – сказала домработница. Голос у нее был грудной, приятный.

Сусанна покупала ароматические свечи в бутике «Джо Малон» и всегда расставляла их вокруг ванны, видом схожей с небольшим, утопленным в полу бассейном.

Регина окинула взглядом обиталище подруги. И, как всегда, восхитилась. Размерами квартира Сусанны в доме-«страхе» уступала квартире в розовом доме, но отделкой и изяществом превосходила. У Сусанны был отменный вкус. Да и любовники ее прежние – люди в летах, все глубоко и навеки женатые – в деньгах ей никогда отказать не могли.

Холл переходил в гостиную, за ним располагалась открытая кухня. И дальше – большая мастерская Сусанны. Она всегда представлялась художником-дизайнером, когда знакомилась с посторонними. Спальня была небольшой, а вот примыкавшая к кухне ванная – огромной.

В квартире делали грандиозный ремонт, возмущавший соседей. Сусанна о доме своем и квартире, да и вообще о Патриках потолковать любила.

– Мы живем в «Страхе», – говорила она. – И те, кто до нас, тоже жили в «Страхе». Вот посмотри, Региночка, в до-

ме нашем шесть этажей. Знает наш дом каждый охломон, хоть раз побывавший на Патриках. Это как визитка здешних мест. В тридцатых на первом этаже были магазины, на шестом – общага для неженатых «страшковых», сотрудников Госстраха. Остается четыре этажа, квартир мало. И за один лишь тридцать седьмой год здесь половину жильцов чекисты расстреляли.

Регина спрашивала, какая квартира принадлежит самой Сусанне – трехкомнатных ведь совсем мало, а это значит, что либо она живет в комнатах расстрелянного в том же году наркома финансов Брюханова, либо в квартире расстрелянного писателя Третьякова. Призраки, Сусанночка, невинно убиенных не являются?

Сусанна на это отвечала, что нет. И квартира ее совсем не та, возможно, принадлежала она в те годы как раз какому-нибудь «комбригу от НКВД» по фамилии Вырвиглазов или Кстенкевстайло, который к тому же наркому финансов и писателю ходил на дни рождения. И праздники Октябрьской революции вместе за столом справлял, дарил их женам цветы, а потом сам же явился арестовывать и допрашивал лично, разбивая губы и носы наркомовские в кровь.

– Оттого и свечи в ванной зажигаю, чтобы не утопил меня этот упырь, – обычно добавляла она – не поймешь, в шутку или всерьез. – Здесь, на Патриках, упырей мнооого, Региночка. Я их вижу порой, да, да... И других тоже вижу. Они все здесь. Не с нами, но здесь. И про писателя Булгакова я тебе

одну вещь скажу – не мог он в то время такой дом, как наш – дом-«страх», – пропустить. Одно название его бы привлекло. И дом тогда был новый, витрина большевизма. Не мог и твой дом без внимания оставить. Зойкина квартира в вашем доме была, это же ваш дом в пьесе его – может, даже твоя это квартира, потому что почти все окна у тебя во двор, а двор был – как музыкальная табакерка, это сейчас одни «Лексусы» там на приколе. Это ничего не значит, что настоящая Зойкина квартира, тот притон, куда Есенин с Мариенгофом трахаться ходили, в карты играть и самогон пить, была где-то в другом месте. Свою Зойку Булгаков в вашем доме поселил. Потому что ваш дом, как и наш, – магнит для взора и фантазии. Ты знаешь, что в нашем доме-«страхе» в подвале специально было предусмотрено помещение для прачечной? Там и китаец этой Херувимчик из пьесы юбки гладил. Я это знаю, и не надо со мной спорить. Патрики для нашей семьи – место то еще. Место семейное.

Регина никогда не спорила и не возражала. Потому что если Сусанне начать возражать по поводу дислокации Зойкиной квартиры, то она тут же примется рассказывать свою историю, которую Регина за все эти годы уже выучила наизусть.

Будто бы – а это ведь было реальное уголовное дело в тридцатых – прадед Сусанны Ефим Папинака, продавец в мебельном магазине в Ермолаевском переулке, вместе с завмагом Студеницером были теми самыми потерпевшими, в

отношении которых шайка гипнотизеров, орудовавших возле пруда, применила гипноз и похитила у них, загипнотизированных, всю магазинную кассу – около тысячи рублей. Более того, прадед Ефим Папинака был обнаружен в состоянии кататонической каталепсии через два дня после кражи в поезде, едущем по Транссибу. И не мог толком объяснить милиции, как он туда попал и что с ним произошло.

«Улавливаешь сходство?» – обычно спрашивала Сусанна тем же тоном, что и «улавливаешь разницу?».

По словам Сусанны, ее прадеда в мошенничестве и вранье никто не обвинил, более того, шайка гипнотизеров вскоре была схвачена в том самом доме Бис на Садовой, только не в пятидесятой, а в другой квартире. Денег у жуликов, однако, не нашли.

– Прадеда моего Ефима Папинаку в тридцать седьмом все равно арестовали. И расстреляли, – заканчивала Сусанна. – И я вот думаю порой, глядя на наших Бегемотов и Маргарит, что толкутся тут день и ночь и делают селфи, – а где они, все эти маленькие смешные человечки, лузеры-осколки навек утраченных дней, которых так жалел писатель? Где все эти Бунши, Римские, Лиходеевы, Аметистовы, Абольяниновы, Пельцы? Где их кости лежат, на какой Колыме? От них ни внуков, ни правнуков не осталось. От Студеницера – завмага мебельного – никого. От моего прадеда Фимы – только одна я. Да упырь-комбриг от НКВД Вырвиглазов все чаще маячит на фоне пруда.

Сусанночка вообще любила это самое – поболтать, почесать языком. Она была маленькой и изящной. Волосы ее, кудрявые от природы и очень густые, отливали красной медью. Она напоминала Регине женщин с полотен Тициана. Ее никто бы не назвал красоткой, но во всем ее облике скрывалось такое обаяние, такая женская магия – это при почти мужском уме и остром языке! Свою личную жизнь она описывала обычно кратко: «Сусанна и старцы». Ее любовники были все очень богатые люди. Но вот она тоже, как и Регина, достигла своего полувекового юбилея. Любовники, ставшие стариками, кто умер, кто не вылезал из швейцарских клиник. Она накопила денег и теперь жила сама по себе.

Они оставили домработницу Свету убираться, а сами вышли на уголок Спиридоньевского переулка. Народа на Малой Бронной все прибавлялось. Вот уже целая экскурсия ползет, глазееет по сторонам, и экскурсовод что-то громко поясняет.

– Мрак, – сказала Сусанна. – Вот за это ненавижу выходные. Здесь как на вокзале.

Они дошли до французской кондитерской, открыли дверь, выкрашенную в нежно-салатовый цвет, прошли мимо сияющей витрины, кивнув девушкам-продавицам, в глубину маленького зала и устроились за накрытым белой скатертью столиком, заказав кофе и знаменитый конфитюр с жасминовыми лепестками.

– Эпикурейцы, да? – усмехнулась Сусанна. – Жрать с утра

жасминовые лепестки положено только эпикурейцам, да, Региночка? Гипербореицы с утра должны не сибаритствовать, а в пикет вставать единичный. А затем париться у ментов в отделении, вызывая к правам человека.

– Ты в театре, что ли, вчера была? Смотрю – дух боевой, – улыбнулась Регина.

– «День опричника» в Ленкоме. – Сусанна подняла большой палец. – Во! Сила. Вся Москва там. Билеты из рук рвут. А только и разговоров было – сколько спектаклей успеют сыграть при аншлаге, прежде чем какие-нибудь завалятся оскорбленные в чувствах с дубьем и свиной головой на блюде. Но нет, терпят «День опричника» и то, что публика валом валит. Терпят сквозь зубы, потому что сверху окрик был громкий. Писателя Сорокина выжили из страны, а пьесу его Ленком поставил. Давно я такого не видела – таких лиц в зале... Сейчас, куда ни придешь в театр, все словно из-под палки играют. Смеяться не хочется, словно разучились. Вообще как все быстро деградирует! Это уже в глаза бросается. А тут над всей этой мертвечиной словно свежим ветерком повеяло. Надолго ли? Я даже, возможно, второй раз схожу, хочешь со мной?

– Мне Ло не хочется одну вечером оставлять, – сказала Регина.

– Как она?

– Ты каждый день меня об этом спрашиваешь. Все так же.

– А психотерапевт что говорит?

– Никакого прогресса.

– Как же никакого – она в первые дни вообще ничего не помнила! Ни отца не узнавала, ни брата с сестрой.

– Меня она узнала. Но я ведь позже приехала. Ее уже из реанимации в палату перевели.

– Дочь всегда мать узнает. – Сусанна положила свою руку на руку Регины. – А если гипноз попробовать?

– Психотерапевт в гипноз не верит. Гипноз, говорит, это просто внушение. А что Ло внушать, если она ничего не помнит и до сих пор за все эти три года так и не вспомнила, что произошло?

– Даже не верится, – сказала Сусанна.

– Амнезия, – вздохнула Регина.

– Но она же вспомнила свое детство, университет. Она же не сошла с ума!

– Это меня и утешает.

– А Гаврик с Гретой?

– Они пытаются, как могут. Пытаются помочь ей. Но они просто парень и девчонка – младшие. Что они могут, когда у такой знаменитости, как этот наш доктор-псих, руки опускаются?

– Это только в книжках психотерапевт может помочь вспомнить. Все это ерунда, вымысел, – Сусанна махнула рукой. – Я вот думаю порой о Ло, бедняжке – может, это и к лучшему, а?

– Что она потеряла память?

Сусанна глянула на Регину. На ее лице появилось странное выражение – сочувствие, жадный интерес и печаль.

– Я вот много чего помню, – сказала она. – И что, я счастливее от этого? Дорого бы дала за то, чтобы кое-что напрочь забыть. И ты тоже, наверное.

Регина кивнула. Да, ты права моя подруга... Память – это такая штука...

– Конечно, хотелось бы нам всем знать, что случилось три года назад, – продолжала Сусанна. – Но если это в принципе невозможно, то зачем столько сил тратить? И дочь твою эти постоянные просьбы вспомнить лишь травмируют. А так... Не лучше ли все это вообще оставить? Ну, чтобы быльем поросло. Вон, твой бывший... твой Платон – он уже отступился, он вроде как и забил на все это.

– Он занят Феодорой. Сам на себя стал не похож, – заметила Регина.

– Жена – молодуха. Видела его тут в ресторане с ней. Он что, бронзатом для загара пользуется или сам загорел где-то? Плейбой хренов, – Сусанна фыркнула. – Ох, дурак-дурак, на кого тебя променял!

После кофе они, по обыкновению, заказали чай и маленькие пирожные-макарони. В «лодырях» витал нежный аромат корицы, кофе и вишни.

Регина наслаждалась сладким, откусывая от плоских разноцветных пирожных маленькие кусочки.

Сусанна снова щебетала про гиперборейцев – мол, борцы

с наступающей на горло свободе реакцией.

За окном кондитерской медленно шествовали эпикурейцы-гиперборейцы, аборигены Патриков. Их сразу можно было отличить от встрепанных провинциальных туристов – по обуви и по какому-то потерянному, отрешенному выражению лиц.

Регина думала о своей старшей дочери и о памяти. Столько намешано всего, что... Может, и правда лучше попытаться вообще все забыть? Начать жизнь словно с чистого листа?

Она внушала себе, что это возможно. А потом у нее появилось предчувствие, что нет... нет, нет, нет... Сделать это никто ей, Регине, матери и бывшей жене, не позволит.

Глава 7

Двенадцать точек

Полковник Гушин и Катя терпеливо ждали возле прозекторской окончания вскрытия. Время тянулось медленно. Нигде время столь не осязаемо, столь тягуче, словно смола, как в бюро судебно-медицинских экспертиз.

Наконец Сиваков завершил свой труд.

– Отчего он умер? – спросил Гушин, когда эксперт, переодевшись и отмывшись, вышел к ним.

– От кровопотери. Я так думаю, я детально исследовал его сосуды, аорту. Отчленение кистей рук внесло свою лепту, но, скорее всего, его ударили по голове, раскрыли череп топором. Кровь хлынула потоком. Опять же это мое предположение, потому что голова отсутствует, – Сиваков хмурился, он был профессионал и не терпел такой вот неопределенности. Однако осторожничал.

– А что такое тиопентал натрия? – тут же спросила Катя. Она совсем как-то сникла, пала духом в этом кошмарном заведении, где вскрывали покойников, а Гушин выглядел так, словно и сам вот-вот скончается прямо на банкетке. – У него в крови, эксперт нам сказал.

– Тиопентал натрия меня удивил, – ответил Сиваков. – Это не тот препарат, что часто встречается при криминале.

А уж при криминальных разборках, если вы предполагаете, что перед нами труп уголовника, вообще о нем слыхом не слыхивали.

– Что это за дрянь? – тихо спросил Гушин.

– Этот препарат применяют как средство наркоза при местном обезболивании. Но чаще его используют ветеринары для усыпления животных.

– Снотворное? – спросила Катя.

– Нет, средство, расслабляющее мышцы, действующее как наркоз. Ветеринары подбирают смертельную дозу для усыпляемых животных. В медицине при операциях им пользуются аккуратно, обычно вводят внутривенно с интервалами. А здесь у нас вкололи внутримышечно, и доза большая. Использовали как средство-вырубон.

– Вырубон?

– Вырубили, обездвижили, привели в беспомощное состояние мужика. И еще эти следы пыток на половых органах – так что выводы делайте сами.

– А достать как его... этот тиопентал, легко? – спросил Гушин.

– Нет, это строго регламентированный препарат, внесенный в специальный список. Но у ветеринаров он есть.

– Значит, убийца может иметь отношение к ветеринарии? – спросила Катя.

– И к медицине тоже, хотя... Чего сейчас только за деньги не купишь! – Сиваков хмыкнул. – Мы проведем гистоло-

гию, заключение экспертизы направлю позже, обычным порядком. Устанавливайте личность убитого. Без этого все наши усилия бесплодны. Что там с отпечатками на брелке?

Эксперты-криминалисты пока молчали. И это не предвещало ничего хорошего, скорее всего, отпечатки, даже если они и выявлены, непригодны для исследования.

– Попытки вписываются в картину криминальной разборки, Федор Матвеевич. Вполне, – заметила Катя, когда они сидели в машине и решали, куда ехать и что делать дальше. – Что-то не поделили братки. Либо он какому-то босу мафии дорожку перешел – вывезли в лес, пытали, потом убили. И сделали все, чтобы мы его из-за прошлой судимости не опознали. Тиопентал этот могли вколоть, чтобы не сопротивлялся.

– У них пушки, у братков, коленки просто могли прострелить. Чего с уколами возиться? Они уколов не любят, сразу палят, – хмыкнул Гушин.

Он немного отдышался на свежем, пропахшем бензином воздухе улицы. Катя тоже чуть воспрянула духом и стерла влажной бумажной салфеткой с верхней губы страхолюдные белые усы из ментола.

– Ладно, сейчас отвезу тебя домой, – решил Гушин. – И так ты мне помогла уже выше крыши. Спи дома, отдыхай.

– Рано еще спать. Белый день на дворе. – Катя глянула на субботнее солнышко и клочок чистого осеннего неба между крышами. – Позвоните сами экспертам насчет отпечатков.

Полковник Гушин достал мобильный. Набрал номер со

скупным выражением лица – он не надеялся на удачу.

– А, Федор Матвеевич, мы только что закончили, – отозвался криминалист. – Фиговый материал вы нам подкинули.

– Непригоден для идентификации?

– Мы три часа уже колдуем. Всего один отпечаток удалось снять с брелка – большого пальца. И он – да... фактически почти к идентификации непригоден.

«Ну все, – подумала Катя, – и точно, дело – глухарь. Зря только мучились в этом морге, терпели эту вонь».

– Но мы все равно решили проверить, прогнали через компьютер, через банк данных ранее судимых.

– И что? – безнадежно спросил Гушин.

– Совпадение есть, но лишь по двенадцати точкам – на тех участках, где отпечаток, так сказать, в относительной норме для исследований. Сами понимаете, этого для полной идентификации недостаточно. Так что мы не можем сказать, что идентифицировали неизвестного.

– Сколько вариантов компьютер вам выдал по этим двенадцати точкам – десять, двадцать? – спросил Гушин.

– Одно совпадение.

– Одно?

– И там нет судимости. Вы наличие судимости ведь предполагали почти наверняка, – частил бойкий криминалист. – А там судимости никакой нет. Это дорожно-транспортное дело.

– ДТП?

– Да, ДТП с причинением тяжких телесных, однако дело было прекращено еще на стадии следствия ввиду отсутствия вины подозреваемого.

– Как фамилия?

– Виктор Кравцов, – ответил криминалист. – Больше никаких за ним судимостей в банке данных нет. И подчеркиваю, по этим двенадцати совпавшим точкам никто не может утверждать, что это его отпечаток, что это он и есть.

– А дело где прекращенное? – спросил Гушин.

– В архиве, наверное, там наш Ивановский отдел полиции указан.

– Бронницы? – спросил Гушин. – Он оттуда, что ли, этот Кравцов? Какой там его адрес в файле по делу о ДТП?

– Сейчас, гляну в компьютер, – криминалист притих. – В файле из банка данных вот что: поселок Коммунарка, дом номер..., квартира...

– Коммунарка? Это не Бронницы, – Гушин показал Кате глазами – доставай свой планшет, ищи. – Это же на той стороне Калужского. Не так далеко от Николо-Хованского кладбища, ну, относительно не так далеко и от поселка...

– И леса, Федор Матвеевич, – голосом еле затеплившейся надежды вякнула Катя, вперяясь в карту на планшете. – Вот поселок, откуда тот тип – свидетель с мастино-наполитано, вот лес, дорога. А там, на той стороне Калужского шоссе... ну совсем недалеко эта самая Коммунарка.

Гущин записал адрес Виктора Кравцова, которого эксперт так и отказался идентифицировать.

– Суббота, – сказал Гущин. – Небось пиво дует или где-то в гараже...

– Вы не думаете, что это наш мертвец?

– По двенадцати точкам дактилоскопии никто никого не идентифицирует.

– Есть только один способ узнать, тот это или не тот Кравцов, – заметила Катя.

Гущин посмотрел на нее. Впоследствии Катя думала – он ведь мог кого-то послать из сыщиков в эту самую Коммунарку. Он мог легко это сделать, просто дать ЦУ. Но нет, Гущин решил ехать сам. Предчувствовал ли он уже тогда, *что это будет за дело?*

И она, Катя... Нет, там, возле бюро судмедэкспертизы, у нее не было никаких предчувствий. Никакого холодка на сердце, никаких мурашек на коже. Она еще и представить не могла, во что они влипли.

– Фактически мы вернемся в тот же район. И проверим, – сказала она.

– Я сам туда съезжу, один, – ответил Гущин, заводя мотор.

– Я с вами, Федор Матвеевич. – Катя цепко угнездилась на заднем сиденье внедорожника. – Я тоже хочу знать, тот это Кравцов или нет.

– В Бронницах с делом о ДТП только к понедельнику определятся, так что... В Коммунарку быстрее и ближе, чем

туда. Может, в Бронницы и ехать не придется вообще. Может, этот Кравцов жив-здоров, ну, который из нашего банка данных. А тот, что у нас – безголовый жмурик – так и останется...

– Только надо кофе сначала выпить, Федор Матвеевич, – перебила Катя. – Об обеде как-то тяжело думать после того, что мы с вами видели у Сивакова, а кофе... Кофе возьмем, купим где-нибудь по дороге с собой.

И они купили кофе: Гущин – черный двойной эспрессо, Катя – капучино.

И поехали назад, в хаос Калужского шоссе с его стройкой, эстакадами, развязками и грязью.

Коммунарка оказалась местом, из которого хочется сразу слинять. Однако они быстро нашли нужный адрес.

Дом – хрущоба из силикатного кирпича.

Глава 8

Коммунарка

Полковник Гущин позвонил в дверь квартиры. Они с Катей несколько секунд подождали. Быстрые шаги. Кто-то подбежал к двери с той стороны, но молчал, не задавал вопросов, затаился.

– Откройте, пожалуйста, мы из полиции, – самым вежливым голосом начала Катя. – Вот наши удостоверения. Нам необходимо поговорить с Виктором Кравцовым. Он здесь проживает?

Никакого ответа. Но Катя явно слышала, что за дверью кто-то дышит, наблюдая за ними в глазок.

– Кравцов, откройте. Нам надо задать вам несколько вопросов, – басом ухнул полковник Гущин.

За дверью снова раздались быстрые мелкие шаги. И сразу же – шаги на лестнице, кто-то медленно поднимался.

– А вы что это... кто? Вам что здесь надо?

Катя обернулась на резкий женский голос. Чуть ли не окрик.

На верхней ступени лестницы стояла женщина лет сорока – одетая ярко, в красную стеганую куртку и красные джинсы, но с каким-то серым, наверное, обычно усталым, а сейчас – злым и настороженным лицом. Крашенная блондинка – ей

давно уже было пора посетить парикмахерскую из-за отросших корней темных с проседью волос. На плече у нее болталась сумка, а в руках были два полных пакета из супермаркета «Пятерочка».

– Здравствуйте, мы из полиции, – все так же вежливо представилась Катя. – Нам необходимо увидеться с Виктором Кравцовым. Он в этой квартире живет? Вы соседка?

– Он здесь больше не живет, – отрезала женщина.

Она буквально отпихнула Катю с пути, шагнув к двери и повернувшись к ним лицом.

– Документы ваши, – потребовала она.

Они показали ей свои удостоверения. Тогда только женщина повернулась к ним спиной и вставила в замок ключ.

Дверь квартиры открылась.

– Вы его родственница? – спросила Катя.

– Жена. Бывшая.

Она шагнула через порог, не приглашая их, но они последовали за ней без приглашения.

– Бывшая? Разве вы уже в курсе, что он...

Гущин неожиданно крепко обнял Катю за талию. Она никак этого не ожидала и поперхнулась. Он оборвал ее фразу – поспешную, надо сказать, и глупую – весьма экстравагантным способом.

– Так вы в разводе с Кравцовым? – спросил он. – Давно?

– Он нас бросил, – зло ответила женщина.

И тут же стало ясно, кто бегал и дышал за дверью: в ма-

ленькой прихожей возникли два мальчика – лет восьми и десяти. Оба рыжеватые и с веснушками.

– Мам, чего это? Зачем они? – спросил один из них.

– Марш к себе в комнату! – резко приказала мать.

Она оставила полные сумки в прихожей, а сама шагнула в комнату – неубранную, давно нуждающуюся в ремонте. Раскладной двуспальный диван у стены так и не был собран, одеяло, простыни на нем сбились в комок. Везде все раскидано. В углу навалена детская обувь.

– Давно вы не живете вместе? – спросил Гушин.

– Год. Мы официально развелись. Так что будьте добры, ищите его где-нибудь в другом месте, а не здесь.

Женщина сказала это так зло, что Катя на минуту представила себе ее с топором, разрубающую своего бывшего на части.

– В каком другом месте? – спросила Катя.

– Где он сейчас живет? – быстро перебил ее Гушин.

– Не знаю. Он нас бросил. Я и знать не хочу. На хрен он мне сдался, подонок такой! Двух детей ради лярвы своей бросил! Там его и ищите – у нее.

– У лярвы? У новой жены, что ли? – невозмутимо уточнил Гушин.

– Они не расписаны.

– А где живет любовница вашего мужа?

– А я откуда знаю? Он мне что, говорил, что ли, подонок? – Кравцова-бывшая воззрилась на Гущина. – Он мне,

думаете, докладывал? Он мне изменял, романы крутил на стороне, потом вообще ушел. На развод сам подал. Двоих детей не пожалел, бросил ради шлюхи своей подзаборной!

– А чем он занимается? Чем на жизнь зарабатывает?

– На строительном рынке. Раньше у нас фирма была своя. Маленькая, но своя, точнее, его. Он меня обманул в суде. Говорит – все, финита, кризис, ухнуло мое предприятие, так что нам и делить, мол, нечего совместно нажитого. Квартиру мне эту оставил с детьми. А мы на новую квартиру копили, ипотеку брали, то есть он брал. Может, уже купил лярве своей – там и живут.

– Вы получаете алименты? – спросила Катя.

– Платит по суду.

– Нам необходимо разыскать вашего мужа. У вас должен быть исполнительный лист или его копия. Там указан адрес работы Кравцова, – Катя решила больше не попадать впросак с поспешными вопросами. – Пожалуйста, найдите исполнительный лист, покажите нам адрес.

– Вас как зовут? – мягко спросил Гушин.

– Дарья Павловна.

– У вас нет фотографий вашего бывшего мужа?

– А что он сделал? Что натворил?

Катя оставила право ответить на этот вопрос Гушину. Но в этот момент внезапно лицо Дарьи Кравцовой исказила такая странная гримаса – злоба и ярость, что ей буквально стало не по себе.

Кравцова как пантера ринулась из комнаты в прихожую. Послышался визг, шлепки.

Они выглянули из комнаты и узрели, что Кравцова за ухо волочет одного из своих сыновей в сторону маленькой комнаты, где громоздятся двухъярусная кровать, письменный стол и старенький компьютер. Одной рукой она вцепилась в ухо ребенка, а другой выкручивала из его руки сдобную булочку.

Второй мальчик, хныча, влачился рядом. На обувной тумбе стояли раскрытые пакеты с продуктами – мальчишки явно шарили в них в поисках, чего бы поесть.

– Только бы жжжжжрать, жжжрать! – шипела Кравцова. – Ни минуты, ни сссссекунды потерпеть не могут, сссссволочата... Отдай слойку, я кому сказала – отдай сейчас же!

Она вырвала из рук сына булочку и толкнула его в комнату.

– Сядем за стол все вместе, тогда и нажретесь, – шипела она. – А тайком у меня из сумок воровать... Папаше спасибо скажите своему, бросил меня без гроша. Я что, деньги вам печатаю – каждый день в «Пятерку» бегать? Сократите свое жранье!

Мальчик приложил руку к рубиновому уху и угрюмо смотрел на мать. Нет, на сдобную булочку в ее руке. Она с грохотом захлопнула дверь.

На Катю эта сцена произвела гнетущее впечатление.

– Так что с исполнительным листом и фотографиями? –

спросила она, не решаясь высказать Кравцовой то, что подумала про инцидент с булочкой.

Кравцова прошла к старенькому буфету и начала рыться в ящике. Она нашла копию исполнительного листа и документы из суда. И Гушин записал адрес работы Кравцова – Катя увидела, что это какое-то ООО «Стройремонт». Затем она порылась на другой полке и достала тонкий фотоальбом. Раскрыла его.

Это была фотография всей их семьи – дети, сама она лет на пять моложе, в джинсах и с короткой аккуратной стрижкой. И крупный мужчина с рыжеватыми волосами и весьма ординарным, незапоминающимся лицом: нос картошкой, под светлыми бровями – глубоко посаженные глаза, расположенные слишком близко к толстой переносице.

Катя поняла, что этот снимок в опознании безголового трупа поможет мало. И ждала, что вот сейчас Гушин спросит Кравцову, были на теле ее мужа особые приметы. Хотя что толку спрашивать? Эксперт их не нашел во время вскрытия. Ни родинок, ни шрамов. Гушин и не стал спрашивать.

– Три года назад ваш муж совершил в Бронницах ДТП, – сказал он.

– Вы из-за этого, что ли, явились? Так там все закончилось, он не виноват был, – махнула рукой Кравцова. – Нас ни копейки даже платить не заставили, потому как не обнаружили его вины. И он трезвый ехал как стеклышко.

– А вообще он как любил это дело?

– Пил мало, а вот шлюху завел себе молодую. Мы двенадцать лет вместе, я ему двух детей родила – сыновей. А он меня упрекать... Конечно, когда одну уборную на двоих столько лет делишь, что уж о розах толковать, не розами мы с ним пахнем. Но чтобы бросать... Подонок он последний! – Кравцова скрестила руки на груди. – А что он натворил?

– Ничего. Нам надо просто с ним поговорить по поводу того старого ДТП, – Гущин так и не сказал ей про труп в лесу.

«Не торопитесь. Ну и правильно, надо сначала убедиться, что это Кравцов, а мы установить наверняка это пока не можем, – думала Катя. – Он расстраивать ее не хочет раньше времени. А может, уже ее в убийстве подозревает?»

– Машина у него есть, да?

– Есть.

– А какой марки?

– Я не знаю. У нас раньше «Фольксваген» был старый, он его продал. Купил что-то другое, уже после развода, я в марках не разбираюсь. Но в ту аварию он не на нашей машине попал, а от фирмы машина.

– Так где все же нам отыскать вашего бывшего? – спросил Гущин. – Где он живет весь этот год после развода?

– Я же сказала – наверняка у нее. Если бы квартиру снимал, то вряд ли бы мы вообще какие-то деньги с него с детьми слупили. Откуда? И алименты платить, и за жилье...

– А кто она – ваша разлучница?

– Молодая девка, наглая. Это все, что я знаю. Они вроде

как случайно познакомились с Витькой. И он словно сразу с ума сошел.

– Влюбился? – наивно спросила Катя.

– Трахать ее хотел! – с надрывом воскликнула Кравцова с той же яростной интонацией, с которой ругала детей. – В койку уложить, а она этим, лярва, воспользовалась, увела его из семьи, забрала его у меня, стерва!

Глава 9

Домработница

После того как за Сусанной и Региной закрылась двусторчатая белая входная дверь, домработница Светлана еще четверть часа пылесосила холл. Затем выключила пылесос и направилась в ванную.

Она собрала огарки ароматических свечей, которые всюду расставила Сусанна – и возле ванны на полу, и рядом с раковиной, и на туалетном столе, и на полках. Светлана, не обращая внимания на ванну, в которой все еще пузырилась, засыхая, мыльная пена, долго смотрела на себя в зеркало.

Выбрала одну из ароматических свечей, поднесла к носу – белый жасмин, мята, красная роза.

Хозяйка и подруга ее Регина свечи покупают в бутике в Смоленском пассаже. Свечка по четыре тысячи, а все жалуются, что стали плохо жить...

Она швырнула огарки в корзину для мусора. На туалетном столике ванной теснились гели, кремы, скрабы, флаконы духов. Светлана дотронулась почти до каждого флакона и каждой коробочки. «Джо Малон» – Сусанна предпочитала этот парфюмерный дом всем другим.

После ванной домработница снова направилась в холл, перешагнула через пылесос и раздвинула двери огромного

белого гардероба. Она касалась платьев хозяйки – вечерних, коктейльных, повседневных, белых рубашек, костюмов, шелковых палантинов, бесчисленных брюк, джинсов, норковых шуб и манто. Грубые от работы пальцы ласкали тонкий шелк и мягкий мех, касались вышивки, стразов. Наряды, наряды, наряды... Полный гардероб такого красивого и стильного барахла!

Они все покупают и покупают, эти бабы с Патриарших прудов! Новые покупки – словно выпивка и закуска. Хозяйка намедни посетила показ новой коллекции в магазине «Эскада». Регина с ней туда не поехала, еще, видно, никак не может свыкнуться с мыслью, что она теперь тоже в этой обойме – брошенная пятидесятилетняя баба. Кто там был, на этом показе в магазине? Что, кривясь, бурчала ее хозяйка, вернувшаяся оттуда, накачанная дорогим дармовым шампанским? Кто там был? Бывшая жена известного актера, бывшая жена знаменитого режиссера и продюсера, бывшая жена молодого хоккеиста, бывшая жена молодого футболиста, певичка, знаменитая в девяностых, бывшая жена нефтяного магната... Все прежние светские знаменитости, разменявшие полтинник и лишившиеся мужей. Регина с хозяйкой не поехала. Ей, видно, не до того, и она гордая, все не хочет признать очевидных вещей – это заметно по ее лицу.

Домработница Светлана отличалась редкой наблюдательностью. Порой она читала по лицам окружающих людей как по книге. Этому ее научила жизнь.

Светлана аккуратно закрыла гардероб – никто не подумает, что она рылась в вещах хозяйских, – и прошла в спальню Сусанны. Небольшая спальня имела одну замечательную особенность – панорамное окно, эту отличительную фишку некоторых квартир дома-«страха».

За окном – вид на знаменитый оживленный перекресток: Малая Бронная пересекает Спиридоньевский переулок. Она долго стояла у окна, как до этого у зеркала, наблюдая свои, только ей, домработнице и прислуге, известные Патрики.

В общем, как посмотреть на всю эту здешнюю жизнь. Под каким углом.

На перекрестке уже клубился праздный народ. К вечеру зевак, туристов, гуляк станет еще больше. В ресторан «Вильямс» хотели попасть посетители, но там уже не было свободных мест. В теплые дни – весной, летом и осенью – в этом модном ресторане даже выставляли окна-витрины. И гости сидели с коктейлями на подоконниках. С улицы любопытные туристы видели зал и открытую кухню. Но сейчас, в октябре, витрины снова вставили в зимние рамы.

Из зеленой лавочки, что рядышком с рестораном «Мари Ванна», с пакетами и сумками выскальзывают покупатели. Лавочка любима богатыми хипстерами, там битком набито разных деликатесов и экологически чистых продуктов, фруктов, орехов, сладостей. Там впервые в центре Москвы догадались делать бизнес на вареной кукурузе – покупать на рынке и продавать как лакомство. Но Светлану, домработ-

ницу, всеми этими веганскими штучками не обманешь. Вон один побрел с пакетом в сторону пруда, вон другой в сторону Спиридоновки. А в пакетах бутылки вина. Дорогого марочного вина. Зеленая лавочка славится своей винотекой, а алкашей на Патриках все больше и больше. Богатых, стильных, хорошо упакованных алкашей – молодых и средних лет.

Вот жили-жили возле своего пруда. И словно стержень какой вдруг из них вынули. Словно смысл жизни они свой потеряли. Но разве смысл Патриков лишь в наживании денег, накоплении богатств?

Но все ширится круг местных алконавтов. Пока еще они пьют марочные французские и итальянские вина. Но скоро многие из них перейдут на водку, а то и на паленый шланбой.

Светлана считала, что хорошо разбирается в изнанке жизни этого оазиса благополучия. Столько дней она провела здесь, работая консьержкой в розовом доме, в самом эпицентре, так сказать! Не стоит думать, что местные консьержи лишь сидят безвылазно в своих подъездах и ничего не видят и не слышат. Столько слухов на Патриках, столько сплетен, столько мнений, столько драм!

Здесь любят пустить пыль в глаза чужакам, здесь изгаляются в соцсетях над плебсом «из Бирюлева и Выхино», что стремится провести на Патриках свой пролетарский выходной. Здесь жалуются на ночной шум и вонь мочи в подворотнях, когда перепили, переели и перегуляли. Здесь любят внешний шик и презирают тех, кто беден.

Но крохоборничать обитатели Патриков умеют как никто. О, Светлана была в этом абсолютно убеждена. Столько примеров знала!

Экономический кризис все же дожрал и здешних снобов. И они стали являть чудеса поведения. Например, один из менеджеров банка «ВТБ». Такой дядька был – на кривой козе не объедешь: надменный, лысый, в дорогом пальто. Всегда на машине с шофером домой приезжал. Вдруг стал привозить домой полные пакеты жратвы – бутылки вина, иногда початые, кульки с мясными закусками, сырами, выпечкой. Все, что оставалось после банкетов и званых обедов, которые давал банк инвесторам, все, что старательно собиралось с банкетных столов.

Раньше все это так и оставалось – официантам, обслуживающим, охранникам, а теперь и боссы стали не гнушаться объедками, собирать в кульки, потому что банкет оплачен, а жратва нынче, особенно деликатесная, ой какая дорогая.

Маленький штришок, но показательный для снобских Патриков. Здесь стали не брезговать и такими вещами. Но делают хорошую мину. Продолжают играть в обеспеченных, денежных мешков.

Когда-то и она, Светлана, мечтала попасть в этот мир богатых и удачливых, красивых и стильных, в тот VIP-зоосад, что казался ей раем земным. Но жизнь по-своему распорядилась ее судьбой.

И вот она смотрит на знаменитый перекресток из чужого

окна роскошной хозяйской квартиры.

Французская кондитерская, где кофейничают сейчас хозяйка и ее подруга Регина, отсюда не видна. Но они там – это теперь надолго. О чем говорят – тоже не секрет. О разводе Регины и о ее дочери. Об этой девке, что сошла с ума.

Нет, не сошла с ума. На Патриках этого не утверждают. Просто она впала в амнезию. У нее напрочь отшибло память.

Светлана закусила губу. Прежде ее все это беспокоило, изумляло – *неужели девка и точно ничего не помнит? Как такое может случиться? Так не бывает.*

Но шло время. Светлана встречала ее – уже не в подъезде розового дома, теперь ведь она трудилась помощницей по хозяйству здесь, в доме-«страхе», – а на улице. Когда одну, ковыляющую как краб до той же зеленой лавочки, иногда с братом и сестрой, или с матерью Региной.

И девка каждый раз проходила мимо, не обращая на Светлану никакого внимания. Словно они не были прежде знакомы. Словно никогда раньше не встречались.

А ведь Светлана видела-перевидела ее, эту дочку Регины! Всякую видела...

Надо признать, что та была редкой красавицей. Даже лучше мамы. Да, еще три года назад она была красива, как та греческая богиня или героиня, в честь которой Регина ее и назвала. Но сейчас... О жизнь, как порой ты строишь всех нас, как меняешь нас до неузнаваемости, как расточаешь в пыль и нашу красоту, и наши мечты, и наши грехи, и наши

тайны!

Девка ничего не помнит. И врачи ничего сделать с этим не смогли. Она все забыла.

Да неужели?

Его она тоже не помнит?

Светлана сразу его заметила – этого типа. Явно не с Патриков. Совсем другой мужской тип. Настоящий мужик.

Было видно, что он без памяти влюблен...

Что ничего поделать с собой не может, сохнет от страсти...

Та ночь, что врезалась в память Светлане. Как она сидела у себя в розовом доме на месте консьержки. Время близилось часам к двум ночи. Жильцы-снобы утомонились. Она уменьшила громкость телевизора. А потом услышала на лестнице шаги. Выглянула.

Он спустился с их этажа и сидел на верхней ступени лестницы первого пролета. В джинсах, но голый по пояс. Держал в руках кожаную куртку и рубашку колом. Под кожей перекатывались бугры мышц. Она видела татуировку на его плече. Он сидел опустошенный и оплеванный. Сам не свой.

Светлана вышла из своей каморки. А он тихо сказал: «Хоть вы не гоните меня». Она не стала тогда требовать, чтобы он покинул подъезд. Она все поняла по его глазам.

Его сжигала страсть как огонь. И он был нелюбим и нежеланен – в эту ночь, а может быть, и вообще навсегда.

О, девка это умела! Высекать искры из всех кремней. Раз-

дувать пожар, не заботясь, что кто-то сгорит в огне тщетной любви. А потом безжалостно топтать искры надежды, оставляя лишь похоть и жажду, которую не утолить.

Девка потеряла память.

Домработница Светлана старалась думать о том, что случилось, именно так: дочь Регины теперь – просто овощ.

Жизнь все расставила на свои места.

И еще расставит – о, будьте покойны!

Оторвавшись от окна, словно в полусне грузная Светлана тихими неслышными шагами прошла на кухню. Открыла холодильник. Нашла среди баночек с йогуртом и хумусом тарелку с окороком. И отрезала себе острым ножом ломоть хозяйской ветчины.

Глава 10

Странности

Все воскресенье Катя мучилась непонятным беспокойством. Хотела было заняться собой наконец, но как-то все из рук валилось. Однако ближе к полудню она все же сходилa в салон красоты – даже без записи удалось, потому что салоны красоты сейчас пустуют и ловят клиентов чуть ли не за фалды.

В понедельник, явившись на работу в Главк, она первым делом поговорила со своим шефом – начальником Пресс-службы, объяснив, что сейчас затишье по части сенсаций, а из непонятного пока дела с безголовым трупом может выйти сносный репортаж о том, как сыщики с нуля устанавливают личность убитого, опознание которого намеренно затруднено.

Заручившись разрешением своего начальства, Катя отправилась после оперативки к полковнику Гущину. Тот пребывал в состоянии тихой задумчивости. В воскресенье посланные на строительный рынок на Калужском шоссе оперативники, которым было поручено разыскать торговый павильон ООО Виктора Кравцова, вернулись ни с чем. В хаосе торгового муравейника павильон они, правда, отыскиали, но он оказался закрыт. Обычно выходные – самые оживленные

и посещаемые народом дни на строительном рынке. Но это в прошлом. Огромный строительный рынок сейчас больше напоминал мертвые пчелиные соты, где лишь кое-где трудолюбиво копошились и что-то продавали. А так целые ряды и закоулки закрытых, а порой и брошенных, заколоченных торговых точек и павильонов.

Оперативникам предстоял нелегкий труд – через администрацию рынка постараться выйти на совладельцев ООО, возможно, у Виктора Кравцова были или есть компаньоны, возможно, и сам он где-то живой и здоровый.

Самым простым и легким способом установить, тот это человек или не тот, было провести сравнительный анализ ДНК. Самое очевидное решение: произвести забор образцов для исследования у детей – сыновей Виктора Кравцова. А это такая бюрократическая морока! И очень сложно с юридической точки зрения, пока, с одной стороны, нет никаких данных о пропаже без вести самого Кравцова и, с другой стороны, веских доказательств того, что неопознанное изуродованное тело принадлежит не кому-то другому, а именно ему.

– А что с делом о ДТП в Бронницах, Федор Матвеевич? – спросила Катя грустного Гущина.

– Подняли они дело по моей просьбе. Прекращенное оно, даже пока не в архиве, а у них в УВД, – Гущин прикидывал, что дальше. – Ты что же, страшилки свои писать, что ли, надумала о нашем безголовом?

– Зря, по-вашему, мучилась вчера? – огрызнулась Катя.

Надо порой и зубы показывать, а то на голову сядут. – Выходной день в прозекторской, обоняя трупные газы! Кому сказать – в психушку пошлют. А все для вас стараюсь, Федор Матвеевич!

Гущин как-то непонятно хмыкнул. Скорее довольно, чем недовольно.

– Ну, тогда поедem в Бронницы, проверим, что за дело трехлетней давности, – сказал он просто.

И они поехали в Бронницы. Катя в этом районе Подмосковья никогда прежде не бывала. И городишко показался ей скучным. Но леса окрестные полыхали золотом и багрянцем, поля манили изумрудной дымкой, где-то там, в полях, змеей вилась-извивалась Москва-река. Кате всегда хотелось увидеть эту реку, на берегу которой она жила на Фрунзенской набережной – на воле, так сказать, вне города.

Но вместо реки она увидела местный отдел полиции – отремонтированный и покрашенный, но все равно какой-то хилый, затерханный и внутри и снаружи. А может, ей это лишь показалось? Может, она вообще слишком критически относилась к внешнему виду?

Гущина принял лично начальник отдела, на столе уже ждали два увесистых тома уголовного дела. Пока Гущин и начальник местной полиции обстоятельно и неторопливо толковали о разных делах, Катя открыла первый том. Глянула на фотографии, какие обычно снимают эксперты для ГИБДД с мест аварий.

Машина «Газель» синего цвета с вылетевшим лобовым стеклом и разбитой фарой. Вмятина на капоте, что-то бурое. Осколки на асфальте и опять что-то бурое.

– Дело давно прекращено на законном основании. Наш следователь Нилов им занимался, столько экспертиз провел автотехнических и прочих, столько справок собрал! Эксперты все сошлись во мнении: это форс-мажор, не было вины водителя Виктора Кравцова в том, что произошло. Правда, там, конечно, странности в этом деле. Большие странности. Но никакого криминала мы так и не обнаружили.

– Странности? Какие же? – сразу насторожилась Катя.

– Вам лучше со следователем поговорить, с Ниловым, – начальник полиции нажал кнопку на переговорнике. – Я не спец в ДТП. Нилов ответит на ваши вопросы, я его просил вас дожидаться сегодня. А что случилось?

Полковник Гуцин коротко рассказал о безголовом трупе и двенадцати совпавших точках дактилоскопии.

– Убийство? – Начальник полиции снова начал тыкать кнопки переговорника.

Следователь Нилов оказался молодым, но уже заморенным человечком с серыми волосами и тусклым усталым взглядом.

– Вы в деле все прочтете, – встретил он их обычной следственной отговоркой. – Такая была бодяга долгая! Я все, что мог, сделал. Я никогда не страдал обвинительным уклоном. А в том ночном происшествии на дороге вина Кравцова от-

существовала. Все доказательства это подтвердили и технические экспертизы.

– Мы дело-то прочтем, коллега, но вы нас сейчас коротко проинформируйте о самой сути. Что там случилось? – спросил Гушин.

– Летом это произошло, три года назад, в конце июня. Точную дату надо посмотреть, я уже забыл, – Нилов-следователь кивнул на увесистыеgrossбухи. – Кравцов Виктор на машине, принадлежавшей его строительной фирме, около двух ночи ехал по Старой дороге. Он сказал, что ничего не мог сделать – в свете фар внезапно увидел ее, потерпевшую. Она выбежала на дорогу и внезапно остановилась. Возможно, ее ослепил свет его фар. Он ее сбил там, на девятом километре. Ужас, шок – он не успел затормозить. Сам позвонил в полицию и «Скорую» вызвал. С места ДТП не скрывался. Наш сотрудник из ГАИ прибыл туда через десять минут – за час до этого случилась еще одна авария на шоссе. Потерпевшая была в очень тяжелом состоянии. Думали даже, что летальный исход. Но она выжила. Ей в городской больнице сделали первую операцию, затем ее родственники забрали в Москву, в Склифосовского. И там тоже были операции. Я расследовал это ДТП, я специализируюсь именно на дорожно-транспортных делах. ГИБДД все проверила самым тщательным образом: тормозной путь, объективные данные. Все сошлось, подтвердило показания Кравцова. Экспертиз провели кучу. И я прекратил дело за отсутствием его вины.

– А кто потерпевшая? – спросил Гущин.

– Пелопея Кутайсова, двадцать четыре года.

– Пелагея? – переспросила Катя.

– Нет, я тоже так сначала думал, – ответил следователь. –

Ее зовут Пелопея. Редкое такое имя.

– Интересно, – сказала Катя.

– Что интересно?

– Греческое имя. Действительно очень редкое.

Катя глянула на тома уголовных дел. Интересно... *как корабль вы назовете, так корабль и поплывет...*

– А кто она такая, откуда? Здешняя?

– Нет, не здешняя. Она дочка богатых родителей. Ее отец – бизнесмен из Москвы, солидный тип, инвестирует в ресторанный бизнес, в логистику, в междугородние перевозки. Но это мы все уже потом про их семью узнали.

– Нам сказали, что в этом деле были странности, – Катя решила давить на самое главное.

– Ну, вообще-то да... И немалые, – следователь запнулся, прищурился. – Она была совсем голой там, на дороге.

– Голой? – удивился Гущин.

– Никакой одежды на ней, никаких вещей. Позже уже из больницы нам сообщили, что у нее в крови большая доза наркотиков. То есть обдолбанная вдрызг она была, бедняжка.

– Наркоманка?

– Мне ничего не оставалось, как сделать такой вывод, –

сказал следователь. – И это тоже был плюс для водителя Кравцова. Алкаши сами под колеса порой лезут, наркоманы тоже. И здесь такой же случай. Возможно, она вообще не соображала, что делает, когда выскочила на дорогу. И было кое-что еще – очень для нас неприятное...

– Что? – спросила Катя.

– Она совсем потеряла память, – ответил следователь. – Ну, позже, когда ей сделали операцию, еще одну. Она ничего, абсолютно ничего не помнила. Ничего не могла мне рассказать. Я приезжал к ней в больницу. Первые дни она даже не могла вспомнить свое имя и фамилию. Не узнала отца и брата с сестрой, когда те приехали. Потом эти сведения к ней вернулись. Она вспомнила, как ее зовут, начала узнавать родственников. Но так и не смогла вспомнить, что с ней произошло.

– Потеряла память? – Гушин поднял брови домиком.

– Дико звучит, да? Как в фильмах. Я никогда не думал, что это случается с людьми на самом деле. Поверить даже невозможно в такое. Но сам столкнулся. Врачи мне сказали – частичная, но глубокая амнезия. Память Пелопеи Кутайсовой заблокирована.

– Чем заблокирована?

– Всем вместе: страшная авария, она же чуть жизни не лишилась, плюс убойная доза наркотиков, плюс, возможно, пережитый до этого шок.

– Шок?

– Ну, врачи так говорили. Посттравматический шок – и тот, что после аварии, и, возможно, какой-то еще до этого. Но я в это не слишком поверил. То есть я все проверил – там, в больнице, еще попросил проверить. То, что девица оказалась на дороге глубокой ночью голой, наводит на какие-то мрачные мысли, да? Ну, я постарался все проверить и минимизировать. При осмотре в больнице у нее не выявили никаких признаков изнасилования. Понимаете, о чем я? Этого не было. Все повреждения ее были причинены исключительно в момент той страшной аварии, когда на нее налетела «Газель» Виктора Кравцова.

– Но вы установили, каким образом она оказалась в Бронницах ночью на дороге? – спросила Катя.

– Нет. Я этого так и не установил. Сама она ничего не помнила – я еще раз вам объясняю. Она не помнила ни ту ночь, ни то, что было накануне, ни то, что было за месяц, за два до этого. Вообще ничего. Мы проверили здешние места для туристов – дом отдыха, кемпинг, детский лагерь, частные гостиницы. Никто об этой Пелопее Кутайсовой ничего не слышал. Никто ее не видел. Там она не появлялась – ни одна, ни с компанией. Но к нам много людей на машинах летом приезжают на Москву-реку. Я дал поручение поспрашивать, навести справки в местах отдыха, но никаких результатов мы так и не добились. И вообще я занимался делом о ДТП. После того как отпала версия об изнасиловании, о чем-то таком криминальном мы уже не думали. Обычная история: нарко-

манка из богатой семьи. Может, она от дружка голой сбежала, когда они где-то на природе в машине нанюхались и были под сильнейшим кайфом.

– Если она не помнила в первый момент даже свое имя, как же вы узнали, кто она такая? – задала свой вопрос Катя.

– Простите, мне надо ехать за документами в страховую фирму, – следователь Нилов поднялся из-за стола. – Я и так вас прождал полдня. Оба тома можете взять, если они вам требуются. Позже сами отправите в архив.

Полковник Гуцин взял в каждую руку по увесистому тому. Дальше они буквально ловили ускользавшего от них как угорь следователя Нилова уже в коридоре.

– Как вы узнали, кто она такая? – настойчиво повторила свой вопрос Катя.

Нилов остановился возле дежурной части.

– Дактилоскопия помогла. Как только она пришла в себя в реанимации после операции и стало ясно, что она ничего не помнит, я послал эксперта откатать ей пальцы и проверить – ну, на всякий случай. И в яблочко попал.

– Что, девушка судима? – спросил Гуцин.

– Нет, но в банке данных числится – я так понял, что в каком-то ночном клубе, где она развлекалась, было спецмероприятие по линии борьбы с наркотиками. Ее задержали вместе с другими. У нее ничего тогда не обнаружили, а вот на руках остались следы кокаина – экспресс-анализ это подтвердил. Ее к ответственности не привлекали, но в банк дан-

ных она попала. Так мы и узнали ее фамилию и адрес. Позвонили домой – а там уже отец ее, оказывается, накануне сообщил в полицию о пропаже дочери. Потом они приехали всей семьей – отец этот самый, Платон Кутайсов, брат и сестра. Они сразу отправились в нашу городскую больницу, затем отец заказал перевозку и переправил дочку в Склифосовского. Я туда еще раз к ней ездил, брал показания, когда она уже стала родственников узнавать и свое имя вспомнила.

– А мать Пелопеи? – спросила Катя.

– Мать позже прибыла из-за границы. Вроде как в отпуске она там находилась. Я в основном контактировал с отцом – в делах об аварии лучше с мужчиной все обсуждать, мороки меньше и вредных фантазий.

Катя заметила, что к их разговору с великим интересом прислушивается дежурный за прозрачной пуленепробиваемой перегородкой из пластика.

– Что отец девушки говорил о том, что случилось? Какие-то предположения у него были, почему она оказалась голлой ночью на дороге в Бронницах? – спросил Гушин. – Может, у них в этом районе дом загородный, дача?

– Их дом загородный на Новой Риге. Там они все проживали. Ни малейшего понятия он не имел, что с дочкой стряслось. Но был крайне обеспокоен. Брат ее и сестра мне тоже ничем помочь не смогли.

– А водитель Виктор Кравцов, что он делал на Старой дороге так поздно ночью, в два часа? – спросила Катя.

– Он объяснил, что приезжал в этот день в Петровское, у них – у его фирмы – был заказ на строительные работы в частном доме. Он за два дня до этого отвез туда разборную декоративную беседку для сада. Рабочие ее смонтировали и установили. Он приезжал проверить работы. Сами хозяева в отпуске, у него ключи от дома были. И он, по его словам, решил переждать вечерний час пик, но от усталости, потому что утром встал очень рано, заснул. Проснулся поздно ночью и решил по свободной дороге возвращаться домой, в поселок Коммунарка. Я и это проверил, не поленился – да, действительно, его фирма выполняла заказ на строительные работы у дачников в Петровском, они мне подтвердили. Так что и с этой стороны к Кравцову никаких претензий. И он был абсолютно трезв, когда совершил наезд. Так что в этом деле все сложилось в его пользу. И я прекратил дело. Довольно напряженная сцена была, когда я отцу девушки сообщил об этом как о непреложном факте. Она все же жестоко пострадала в той аварии. Но это была целиком ее вина. И отец скрепя сердце это принял. Они не выдвигали против Кравцова никаких исков в части гражданского судопроизводства по компенсации затрат на лечение девушки.

– Вам бы, Федор Матвеевич, с Мамонтовым нашим про этот случай побеседовать, – неожиданно подал голос из-за перегородки, как из аквариума, дежурный.

– Татосов, не вмешивайтесь, когда вас не спрашивают! – неожиданно резко отреагировал следователь. – Что за мане-

ра такая – встревать в разговор, который вас не касается!

– Кто это Мамонтов? – быстро спросила Катя.

– Это инспектор ГИБДД, который первый прибыл на место аварии на Старую дорогу и находился там, пока не приехали все остальные и «Скорая», – Нилов махнул на пытавшегося снова что-то сказать дежурного, словно на надоедливую муху. – Это абсолютно ясное дело, это обычное ДТП с пострадавшей. Я в ходе расследования не получил ни одного веского доказательства, что там крылось что-то еще. А Мамонт – он вообще... Простите, Мамонтов – он субъект с каким-то совершенно непонятным взглядом на самые простые, очевидные вещи. Он меня достал, он меня просто достал со своими измышлениями! Я столько времени потратил, проверяя все эти его бредни, что... И он вообще на тот момент даже каких-то первичных следственных навыков не имел. Он человек новый в нашей системе.

– Там, где он раньше был, дураков не держат, – мятежно возразил дежурный, он явно стоял на стороне неизвестного гаишника по прозвищу Мамонт.

– И он до сих пор так и не усвоил элементарных правил, обязательных для всех сотрудников полиции, государственных служащих, чему примером служит последний вопиющий случай, – закончил следователь, давая понять, что последнее слово все равно за ним.

Полковник Гущин внимательно выслушал эту перебранку, а затем снова направился к начальнику отдела полиции.

Катя слышала их разговор от слова до слова.

– Я уголовное дело о ДТП забираю в Главк, мы его изучим, – сообщил он начальнику отдела, тот равнодушно кивнул. – Со следователем мы поговорили, он мне посоветовал еще побеседовать с сотрудником ГИБДД, который на место выезжал, – Мамонтовым.

– Странный совет. Они не ладят с тех самых пор.

– Где он вахту свою нелегкую несет на дороге? Как бы мне с ним пересечься?

– Он сегодня здесь, в отделе ГИБДД. – Начальник отдела нахмурился, потом вздохнул: – Рапорт пишет... То есть объяснительную. Он отстранен с завтрашнего дня, до разбирательства дисциплинарной комиссии.

– А что так жестко? – спросил Гушин. И сделал жест – потер пальцами о пальцы.

– Нет, как раз не это. В этом его никто не упрекнет. Кое-что иное, но тоже не сахар. Мне его уволить предлагали. Но у него лучшие показатели по всему управлению ГИБДД. Понимаете, Мамонтов раньше служил в частной охране. Телохранителем у очень влиятельного человека, ну, с самых верхов. Привык там... ко многому привык, скажем так. Его наниматель покончил с собой, застрелился из-за долгов. Это в их бизнесе у личников черная метка – потеря босса. Не важно, по каким обстоятельствам, но это пятно. А в кризис к тому же все шишки, что раньше с охраной ездили, стали охрану свою нещадно сокращать, денег нет на содержание

личников. Мамонтов оказался за бортом. Он хотел в Москве устроиться, но там у него старые счета с Петровкой. Не взяли они его, а в нашем Главке взяли. Полиция для него, тем более ГИБДД, – это новая работа, которой он прежде никогда не занимался. А привычки старые.

– Он что, убил кого-то? Застрелил? – невинно спросила Катя.

– Он погнался за личной машиной депутата, не буду говорить, какого законодательного органа. Депутат был за рулем в дугу пьяный, ехал с превышением скорости. Проигнорировал приказ остановиться. Клавдий догнал его на машине ГАИ, вытащил и... Там множественные побои. Телесные повреждения при задержании, рукоприкладство, превышение должностных полномочий, да еще этот депутат – лицо неприкосновенное. Мне предлагали Клавдия уволить. Но я сопротивляюсь давлению свыше. Это редкое создание – Мамонтов, он может в будущем большую пользу отделу нашему принести. Такими людьми разбрасываться не стоит. Одно успокаивает: депутат сам в штаны наложил – я сказал ему, что если он жалобу на Клавдия подаст официально, то нам ничего не останется, как предать огласке его пьянство и хамство за рулем. А правящая партия с этим борется изо всех сил. Так что и для него последствия будут не самые приятные. Короче, он наложил кучу в штаны и дальше угрозы дело не пошло. Но Клавдий Мамонтов все равно пишет рапорт, то есть объяснительную. Я преподам ему урок. Узнает у меня,

где и как раки в полиции зимуют!

– Клавдий? Это его так зовут? – спросила Катя.

– Римское имя, императорское – так он мне сказал, когда устраивался на работу. И не дай бог, вам, девушка, по простоте сердечной назвать его Клавой!

Глава 11

Темная дорога

Инспектора ГИБДД Клавдия Мамонтова Катя и полковник Гушин обнаружили в пустом кабинете, в отделе автоинспекции. Мужчина весьма внушительных габаритов, лет тридцати пяти, в бронежилете, надетом, несмотря на прохладную погоду, на одну лишь серую футболку с коротким рукавом, и в «гаишных» штанах – с их нелепыми полосами внизу. Он сидел за столом перед девственно-чистым листом бумаги. Рядом, прислоненный к другому бронежилету, помаргивал планшет, являя на экране знойную загорелую красотку с тугими, как арбузы, сиськами, снятую голышом на фоне изумрудной океанской лагуны и пальм.

По кабинету во множественном числе разлетелись и упали белые самолетики из бумаги.

Я, Клавдий...

Полковник Гушин официально представился. Инспектор ГИБДД встал из-за стола. Он был блондин с короткой стрижкой, с решительными чертами лица, на котором, однако, на данный момент лежала печать глубокой меланхолии. На предплечье из-под короткого рукава неформенной футболки выглядывала какая-то татуировка. Бронежилет сидел на нем как влитой.

Я, Клавдий...

Инспектор взглянул на Катю и нажал кнопку планшета. Красотка с сиськами исчезла из виду.

– Нас интересует дело трехлетней давности о ДТП с участием Виктора Кравцова на Старой дороге. Наезд на женщину с тяжкими телесными, – сказал Гушин, кивая – вольно, пехотинец.

Гушин уселся первым, инспектор не сел до тех пор, пока Катя не устроилась на стуле сбоку от полковника.

– Вы на место той аварии приехали первым, как нам сказали, – словно великую тайну поведала Катя.

– Дело давно прекращено. – Голос у Клавдия Мамонтова был баритон, произношение слов очень четкое.

– Нам сказали, что у вас... Как вас, кстати, по имени-отчеству? – Гушин, видно, запомнил совет начальника полиции Бронниц.

– Клавдий Миронович.

Клавдий Мирон Мамонт...

Катя про себя тут же переназвала его на римский манер. С ума сойти! А ему идет!

– Клавдий Миронович, нам сказали, что у вас свой взгляд на это ДТП. Посоветовали обратиться к вам. Со следователем Ниловым мы уже побеседовали. Дело я заберу в Главк, в управление розыска, – сообщил Гушин, похлопывая ладонью по томам на коленях. – Хотелось бы услышать ваше мнение о происшедшем.

– Мое мнение здесь никто в расчет не принял. Дело прекратили. А что у вас стряслось, в вашем управлении розыска?

– У нас есть веские основания полагать, что Виктор Кравцов убит, – ответил Гущин.

– Надо же, – на меланхоличном лице Клавдия Мамонтова мелькнуло что-то вроде слабого интереса. – А кем?

– Этого мы пока не знаем. Мы и личность убитого еще точно не подтвердили.

Гущин очень сухо и очень скупно рассказал о безголовом трупе в лесу со следами увечий и пыток и изложил данные дактилоскопии.

– Мы приехали выяснить подробности того старого ДТП, – внесла свою лепту и Катя. – Следователь ваш категорически отмел версию виновности Кравцова в аварии, сказал, что потерпевшая – некая Пелопея Кутайсова – сама была во всем виновата, потому что находилась в невменяемом состоянии из-за наркотиков. Он нам рассказал и о странностях в этом деле.

– Странности? Он это теперь так называет? – спросил Клавдий Мамонтов. – Знаете, какой там был наркотик?

– Нет.

– «Ангельская пыль». Фенциклидин. И еще в крови девчонки нашли диазепам. Я ее медкарту смотрел, приличные дозы. Это не какой-то там обычный кокс, это даже не герыч. «Ангельская пыль»... и снотворное. Вы в химии, девушка,

разбираетесь?

– Меня зовут Екатерина. И я знаю, что диазепам – это снотворное. Я в курсе также того, что «ангельская пыль» – это весьма дорогостоящий и редкий наркотик. И я знаю, что диазепам порой врачи прописывают наркоманам для купирования ломки.

Катя говорила все это ему, этому задаваке, а она уже с первых его слов поняла, что он такой и есть – задавака. И она поняла сразу еще одну важную вещь: инспектор ГИБДД этим делом действительно интересовался весьма плотно, потому что не полагается вообще-то инспекторам совать нос в медкарты потерпевших и узнавать результаты анализов.

– Не думайте, что весть о смерти Кравцова меня огорчила, – сказал Клавдий Мамонтов. – Он свое наконец получил.

– За что получил? За аварию, в которой был невиновен? – спросил Гуцин.

– Никакая это не авария была. То есть внешне, по форме, – да. Он ее переехал. Только это не авария. Я бы назвал – концы в воду, однако это неудачно.

– Что вы хотите этим сказать? – Гуцин нахмурился.

– А то, что это Виктор Кравцов похитил Пелопею Кутайсову. А когда она от него вырвалась, сбежала, он пытался ее убить.

Катя ощутила, что по спине вновь пробежал знакомый холодок, как и там, в лесу, у неглубокой могилы.

– А какие у вас есть основания утверждать подобное? –

спросил Гуцин.

– Основания есть. Доказательств нет. Основания – это то, что я видел своими глазами на дороге той ночью.

– Клавдий, – Катя решила махнуть рукой на отчество и на римский триумvirат имен, – расскажите нам, пожалуйста, что вы видели тогда и что произошло. Это очень важно, поверьте. Расскажите нам все, я вас умоляю!

Она даже картинно сжала перед собой ладошки. «Умоляю», видно, произвело на инспектора впечатление. Его, наверное, редко кто-то о чем-то таком «умолял». И он поведал им о том, как 26 июня три года назад он, погруженный в разборку автомобильной аварии, происшедшей на магистральном шоссе в районе эстакады, где по вине третьего водителя столкнулись фура и бензовоз, в начале третьего ночи получил от дежурного сообщение о срочном вызове на девятый километр Старой дороги в районе леса.

...Мамонтов остановил машину ГИБДД на обочине. В свете фар виднелась синяя «Газель». Все в местном отделе были заняты аварией на шоссе – там перекрыли движение, потому что из бензовоза разлился мазут. На шоссе встала пробка, был дикий аврал. И ему пришлось мчаться на девятый километр без напарника.

Было очень тихо. Старая дорога, петлявшая в лесу, делала изгиб у дома лесника, а оттуда вела к дачам и сельским домам Петровского, заканчиваясь тупиком. По этой дороге мало кто ездил.

В придорожной траве стрекотали какие-то твари из мира насекомых. В лесу ухала сова. Клавдий Мамонтов вышел из машины и направился к синему грузовичку.

Под ногами хрустело битое стекло. Он приблизился, обошел «Газель» и увидел, что весь ее капот с правой стороны измазан свежей кровью. Правая фара разбита. Левая хаотично моргает, словно на последнем издыхании.

Клавдий Мамонтов включил карманный фонарь. Кроме этих жалких источников света, его окружала темнота. Фары патрульной машины упирались «Газели» в кузов, и сюда их свет почти не доходил. Лес застыл вдоль узкой дороги как часовой – настороженный и черный. Пятно света карманного фонаря ползло по асфальту, нащупывая осколки разлетевшегося стекла, выбоины, трещины, металлические фрагменты.

Лужа крови растекалась по асфальту, как море.

А в центре этой кровавой лужи, раскинув руки и ноги, словно чудовищная морская звезда, выброшенная багровым приливом на берег, распласталась совершенно голая женщина.

Молодая...

Клавдий Мамонтов бросился к ней. Ему показалось, что несчастная при последнем издыхании. Левая нога ее была сломана в двух местах, из жутких ран открытых переломов торчали осколки костей. Рваная рана весьма внушительных размеров имелаась и на бедре. Из влагиалища кровь тоже текла

ручьём.

Клавдий Мамонтов рухнул на колени рядом с женщиной, всеми силами стараясь как-то остановить кровотечение. Но у него было лишь две руки, он зажимал рану на бедре, опасаясь, что у несчастной повреждена бедренная артерия. В мгновение ока он сам весь вымазался в крови.

Потерпевшей на вид было не больше двадцати пяти – тоненькая как тростинка, хрупкая. Кожа на лбу и щеке была содрана словно наждаком. В ссадинах – грязь и дорожный гравий, в спутанных волосах – тоже гравий и пыль.

Тело, из которого, как показалось Мамонтову, уже отлетела душа, неожиданно затряслось в агонии. Из влагиалища хлынула темная венозная жижа.

И тут где-то сбоку раздались тихие осторожные шаги.

– Кто здесь? – громко спросил Мамонтов.

Нет ответа. Шаги замерли – кто-то остановился, словно прячась за кузов синей «Газели».

– Кто здесь?! – Мамонтов окровавленной рукой расстегнул кобуру табельного пистолета. Он не отпускал потерпевшую, все зажимая ее страшную рану, не поднимался на ноги. Не мог – ему казалось, брось он ее сейчас, эту девчонку, и... все, кровь уже ничем не остановишь.

– Это... сигнал... я сигнал упустил... мобильный. Тут почти не ловит.

Из-за «Газели» в тусклый кружок света единственной фары вышел мужчина – крепкий, широкоплечий, в брезенто-

вой куртке и штанах защитного цвета. Лицо его было белым и каким-то застывшим.

– Вы ее сбили? – резко спросил Мамонтов.

– Нет... то есть да... она сама... она выскочила, как заяц, под самые колеса.

Мужчина был чистым – ни одного пятнышка крови на нем. А вокруг – целая лужа крови.

– Это я вам позвонил... полиции, и «Скорую» я вызвал.

– Еще раз звоните в «Скорую»! – приказал Мамонтов.

Мужчина не трогался с места. Смотрел на тело.

– Она голая, – сказал он.

Девушка захрипела, на ее губах вздулись кровавые пузыри. Явный признак того, что кроме открытых переломов повреждены и внутренние органы – возможно, даже легкие. Мамонтов подsunул ей руку под шею, чтобы она не захлебнулась своей кровью. Он боялся трогать ее, перемещать до приезда «Скорой» – вдруг у нее что-то с позвоночником?

Водитель снова пропал. Исчез из поля зрения.

Внезапно ночь умолкла, все звуки – стрекот и писк в траве, уханье совы, шелест листвы – словно выключили. И фара «Газели» погасла.

Мамонтов и потерпевшая остались в кромешной темноте.

Мамонтов ничего не слышал – он почувствовал, кожу затылка стянуло. Он мгновенно поднялся на ноги, выхватил из кобуры пистолет, обернулся и...

Водитель стоял за его спиной – темная недвижимая тень.

Фара «Газели» мигнула и снова на мгновение зажглась.

И в этот миг Мамонтову показалось, что в руках водителя какой-то предмет. Что-то тяжелое.

Фара снова погасла.

– Стой на месте, рыпнешься, убью, стреляю на звук! – сказал Мамонтов.

– Я... да вы что?.. Тут сигнал пропадает то и дело, я же сказал вам.

Фара зажглась. Свет.

В руках водителя уже ничего не было. Только мобильный, который он поднес к уху.

– Она умерла, да? – спросил он.

В тот момент Мамонтову показалось, что в словах водителя нет ни жалости, ни страха, а есть лишь надежда.

Вдали послышалась «сирена» – к месту аварии спешила еще одна полицейская машина, на этот раз ППС. «Скорая» приехала через двадцать минут.

Катя и Гущин выслушали рассказ не перебивая.

– Кравцов зашел мне за спину, когда я пытался оказать пострадавшей первую помощь, – повторил Клавдий Мамонтов. – У него что-то было в руке, я не успел разглядеть – свет погас. Когда я достал оружие, он... понял, что ничего не выйдет.

Гущин помолчал.

– Но это же сам Кравцов вызвал и полицию, и «Скорую» на место аварии? – спросил он.

– Да. Отличный ход. Он думал, что убил ее, когда звонил нам и врачам. Потом надеялся, что она все равно умрет, не доживет до больницы.

– То есть вы хотите сказать, что Кравцов... он кто? Маньяк? Похититель? – спросила Катя.

– Вот и следовательно мне такие же вопросы подбрасывал, – кивнул Клавдий Мамонтов. – Он что, маньяк, по-твоему?

– Из вашего рассказа такой вывод сделать нельзя, уж извините, – заметила Катя.

– Вы в интуицию верите?

– Я верю всему, что вы нам рассказали, Клавдий, – ответила Катя. – Мы верим, да, Федор Матвеевич? Но...

– Ладно. Тогда давайте беседовать по новой. – Клавдий Мамонтов встал, выпрямился. – Девушка эта, Пелопея Кутайсова, потеряла память. Сколько я у нее ни спрашивал про Кравцова, она ничего мне сказать не могла. Она его не помнила, как и все остальное, что было до аварии. Кравцов пытался к ней проникнуть в палату, позже, когда ее в Склифосовского перевели. Зачем? Ее родители в одноместную платную поместили, в хирургии. Она там после операции беспомощная вся, проводами опутанная лежала, одна. Хорошо в тот момент к ней брат пришел и сестра – младшие. Кравцов с ними нос к носу столкнулся. Начал что-то врать – мол, пришел узнать о самочувствии, цветы принес. Он и правда для отвода глаз с букетом явился.

– Таким способом порой хотят загладить вину и наладить

отношения с потерпевшими, там же суд впереди маячил, – заметила Катя.

– Вы машину Кравцова, «Газель», сами осматривали? – спросил Гуцин.

– Да. В кузове я ничего не нашел доказывающее, что он там девушку держал и перевозил.

– Ну вот видите, вы сами...

– Что я мог? Если бы следователь экспертов пригласил и они бы со своим оборудованием кузов осмотрели, возможно, что-то и нашли бы – волосы, ДНК ее. Это надо было просто сделать! Жопу оторвать от стула! – Клавдий Мамонтов ударил кулаком по столу. – А следователь уперся: нет оснований для проверки. Как узнал от врачей, что признаков изнасилования нет, что все увечья – результат наезда, так и уперся, блин... Извините за резкий тон.

– Ничего, бывает, – сказала Катя. – Следователя Уголовно-процессуальный кодекс в действиях ограничивает. Закон.

– А то, что маньяк над нами еще и посмеялся, это в закон тоже вписано?

Над тобой посмеялся, Клавдий Мирон Мамонт...

Катя скромненько потупилась – не надо его сейчас раздражать недоверием.

– Как вы себе все произошедшее представляете? – миролюбиво спросил Гуцин.

– Кравцов похитил Пелопею. Перевез ее сюда, в Бронницы, на этой своей колымаге, в кузове, предварительно нака-

чав убойной смесью – «ангельская пыль» плюс снотворное. Снотворное, чтобы не орала, не пыталась сбежать. «Ангельская пыль» действует по-другому: нарик не в отключке, но ничего из того, что он делает и что происходит вокруг, он не помнит. Так было и с ней. Кравцов держал ее в том доме, где он якобы занимался установкой беседки. Там хозяйева в отпуске, у него были ключи. Это он девушку раздел догола. Издевался над ней – пусть не насиловал, но делал что-то другое с ней. Она испытала сильнейший шок. Когда действие диазепамы ослабло, ей удалось как-то из этого дома удрать. Это ночью произошло. Он кинулся за ней вдогонку на машине. И сбил там, на девятом километре. Думал, что насмерть, поэтому сразу обеспечил себе алиби – позвонил нам и врачам.

Катя слушала внимательно. Просто все. Логика не лишена. Четкая картина, экономящая сразу на всем – на причинах, следствиях и действующих лицах. Пелопея и маньяк Виктор Кравцов. Что следует из этого? Если Кравцов и правда тот, безголовый – что следует из всего сказанного? Кто отомстил маньяку?

– Какая семья у девушки? – уточнил Гушин, его, видно, посетили сходные мысли. – Отец, мать, брат и сестра?

– У родителей какой-то раздрай в то время был. Мать – красавица, каких мало, светская дама. Она прилетела из-за границы только через пять дней. Папаша – энергичный тип, этакий делега. Брат – ботан. Но о сестре он заботился. Сестренка – тогда еще пацанка, ей всего лет пятнадцать было, –

перечислил Клавдий Мамонтов.

– Вы с ними делились своими подозрениями?

– Следователь мне запретил. Сказал, что Кравцов может в суд подать на полицию и ГИБДД за клевету.

– Но вы все же поделились?

– Я намекнул отцу. И с матерью ее коротко побеседовал о той ночи. Она хотела знать, что я видел.

– А дом, где, по-вашему, Кравцов держал девушку? – спросила Катя.

– Следователь даже не стал добиваться ордера на обыск. Сказал, что нет и не может быть никакого дела о похищении – никаких улик. Но я и не настаивал. Это надо было сделать в ту же ночь или наутро. Пока что-то там можно было найти. А Кравцова после разбирательства отпустили домой. Ему ничего не мешало направиться напрямик туда и все там подчистить – ключи же у него, их у него никто не забрал.

– Долго этот дом пустовал? – спросил Гушин.

– Он недостроен, хозяева-дачники туда нечасто наезжают. Работяг нанимают для ремонта.

– Но вы с хозяевами потом говорили?

– Да, – Клавдий Мамонтов кивнул. – Ничего полезного они мне не сообщили.

– То есть там не было кандалов, цепей, чтобы пленников к стенке приковывать, пыточных инструментов? – спросила Катя – не могла сдержаться.

Клавдий Мамонтов метнул в ее сторону взгляд – серая

молния.

Ой, сейчас ударит гром – трах-тара-рах!

– Вы неловко язвите.

– Извините, Клавдий. Просто это стереотип.

Вся твоя версия – стереотип. Словно на салазках по накатанной давным-давно триллерами колее. Все просто и логично, но!

Все не стыкуется друг с другом, когда начинаешь разбирать мелочи и детали, вникать в подробности. Внешне все вроде стройно. Внутри – полно противоречий. Вот это и заставило более опытного следователя Нилова отмахнуться от этой версии. А вовсе не его профессиональный пофигизм. Так кому верить? Следователю или Клавдию Мамонтову, явившемуся на место аварии первым?

Никому.

Пока никому.

– ГИБДД и эксперты проводили автотехнические экспертизы, – сказал Гушин. – Все сошлись во мнении, что это наезд, в котором нет вины Кравцова – из-за форс-мажора, из-за действий самой потерпевшей.

– Они замеряли и изучали тормозной путь, читали заключение, что у нее в крови ангельская пыль, слушали показания самого Кравцова. Я сам водитель, я все виды транспорта вожу, даже БМП. Что я, не знаю, как это делается, что ли? Что надо говорить, чтобы отмазаться? – Клавдий Мамонтов обращался к Кате. – Самое главное – девчонка потеряла па-

мать. Она не могла вспомнить, что Кравцов с ней вытворял.

– Откуда он мог ее похитить? Из дома на Новой Риге? – спросил Гущин.

– Не знаю. Я выяснил лишь, что там, в их особняке, она в то время не жила. Я говорю – там полыхал какой-то большой семейный раздрай между папашей и мамашей. Пелопея жила в их квартире на Патриарших. Я пытался выяснить обстоятельства последних дней перед аварией, но мне не удалось узнать ничего конкретного.

– А жизнью самого Виктора Кравцова вы интересовались?

– Да. Это классический случай – примерный семьянин. Жена, двое маленьких пацанов. Дом-работа-дом. Маленькая строительная лавочка на рынке на Калужском шоссе – стройматериалы, сетка рабица и разные финтифлюшки для сада-огорода.

– Финтифлюшки? – спросила Катя.

– Декоративные беседки. Еще разная дрянь типа телег-колымаг на колесах для патио. Мужик-симпатяга этот Кравцов был. Рыжий и улыбчивый. А меня там, на той темной дороге, он хотел прибить камнем по голове, когда понял, что не задалил Пелопею насмерть. Произошло настоящее чудо, и она осталась жива. И чудо-расчудесное для него, что она все, все, все враз позабыла.

Глава 12

Пелопея

Пелопея Кутайсова чувствовала себя почти счастливой. Ну, если комфортное состояние души и желудка можно назвать счастьем. И еще, наверное, потому, что приехали, как и обещали, младшие – Гаврила и Грета. Пелопея давно заметила, с братом и сестрой она ощущает себя защищенной. Да, гораздо лучше чувствует себя, чем с матерью, ставшей такой нервной и почти прозрачной, или с отцом.

Гаврила с ходу предложил посидеть в «Вильямсе». И вот они сидели в этом знаменитом на все Патриаршие рестораничке, набитом, как водится по выходным, до отказа.

Они втроем втиснулись за освободившийся двухместный стол: Грета и Пелопея сели на диванчик, тесно прижавшись друг к другу, Гаврила устроился напротив, на стуле. И Пелопея подумала: вот это то, что нужно, отсюда не хочется уходить.

Она пыталась вспомнить «Вильямс» до... Ну, до того момента, как все стало для нее словно с чистого листа. Конечно, она бывала здесь прежде, и множество раз. Но, может, тайная прелесть потери памяти и состоит в том, что знакомые прежде места не узнаешь, а словно открываешь заново. И не с чем сравнить свои впечатления, потому что они дев-

ственно новы, порой пугающе, остро новы.

Гомон, шум, музыка долбит по мозгам и ушам, низкий потолок, смех, чад и ароматы жаркого с большой открытой кухни в центре маленького зала. Кухня доминирует на всем пространстве, являя собой этакий бесплатный аттракцион, где орудуют уже уработавшиеся вусмерть от наплыва клиентов, но улыбающиеся, ловкие как дьяволы повара и повара-рята. Шинкуют огромными ножами на деревянных досках, месят, жарят, словно грешников в аду, на гриле и на сковородах заказанных «осьминогов по-галисийски». Колют лед в серебряных тазиках для коктейлей, заваривают пышущие паром ароматические чаи и развлекают своим поварским искусством обалдевших от избытка впечатлений лохов-туристов.

Гаврила читает меню и спрашивает что-то – в шуме Пелопея не слышит брата. Гаврила в эту субботу с линзами в глазах вместо очков. Он все никак не может решить, что лучше – очки или линзы. Когда Гаврила с линзами, Пелопее кажется, будто его лицу чего-то не хватает, что оно слишком юное и словно незавершенное – глаза красивые, но подбородок безвольный. Когда он приезжает в очках, то, кажется, наоборот – они старят его, еле держатся на носу и то и дело сползают к самому кончику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.